

Лауреат
Национальной
книжной
премии США

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

Не позже полуночи и другие истории

Азбука Premium

Дафна дю Морье

**Не позже полуночи и
другие истории (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

1971

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

дю Морье Д.

Не позже полуночи и другие истории (сборник) / Д. дю Морье —
«Азбука-Аттикус», 1971 — (Азбука Premium)

ISBN 978-5-389-12235-2

В сборник «Не позже полуночи» английской писательницы Дафны Дюморье, впервые опубликованный в 1971 году, вошли пять новелл, пять удивительных, совершенно непохожих одна на другую историй. Самая знаменитая из них, «Не оглядывайся», легла в основу мистического триллера английского режиссера Николаса Роуга («А теперь не смотри», 1973). Другая, наполовину научно-фантастический рассказ, наполовину философская притча «Прорыв», впервые издается по-русски. Все они написаны уверенной рукой мастера, оригинально и увлекательно. Вероятно, точнее всего характер сборника определяет название рассказа «На грани»: в каждой истории автор подводит героев к интуитивному или осознанному выбору, нередко опасному.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-12235-2

© дю Морье Д., 1971
© Азбука-Аттикус, 1971

Содержание

Не оглядывайся	6
Не позже полуночи	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дафна Дюморье

Не позже полуночи и другие истории

© Л. Девель, перевод, 2016

© А. Степанов, перевод, 2016

© Н. Тихонов (наследники), перевод, примечания, 2016

© М. Шерешевская (наследники), перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016 Издательство АЗБУКА®

Не оглядывайся

– Не оглядывайся, – сказал Джон жене, – но две старые девы, которые сидят через два столика от нас, пытаются меня гипнотизировать.

Лора поняла намек, искусно изобразила зевоту и закинула голову, словно разыскивая в небе несуществующий самолет.

– Сразу за тобой, – добавил он. – Поэтому я и прошу не оглядываться – это будет слишком очевидно.

Лора прибегла к древнейшей в мире уловке – уронила салфетку и, нагнувшись ее поднять, бросила молниеносный взгляд через левое плечо, а потом снова выпрямилась. Она низко наклонила голову и втянула в себя щеки, что всегда служило признаком едва сдерживаемого истерического смеха.

– Это вовсе не старые девы, – сказала она. – Это переодетые братья-близнецы.

Ее голос зловеще оборвался, и Джон быстро долил в ее стакан кьянти.

– Притворись, что кашляешь, – сказал он, – тогда они не заметят. Знаешь что, это преступники, они разъезжают по Европе, осматривают достопримечательности и на каждой остановке меняют пол. Здесь, на Торчелло¹, они – сестры-близнецы. А завтра или даже сегодня вечером в Венеции, на площади Сан-Марко, взявшись под руки, пройдут уже братья-близнецы. Стоит лишь сменить костюм и парик.

– Похитители драгоценностей или убийцы? – спросила Лора.

– Определенно убийцы. Но почему, спрашиваю я себя, они выбрали именно меня?

Их внимание отвлек официант, который принес кофе и убрал фрукты, что дало Лоре возможность справиться с собой и побороть приступ смеха.

– Не понимаю, – сказала она, – почему мы не заметили их, когда вошли в ресторан. Они сразу бросаются в глаза. Не заметить невозможно.

– Их заслоняла группа американцев, – сказал Джон, – и бородач с моноклем, очень похожий на шпиона. Как только они прошли, я сразу увидел близнецов. О господи, тот, что с копной седых волос, снова уставился на меня.

Лора вынула из сумочки пудреницу и поднесла ее к лицу так, чтобы видеть их отражение.

– По-моему, они смотрят на меня, а не на тебя, – сказала она. – Слава богу, я оставила свой жемчуг у управляющего отелем. – Она попудрила нос. – Дело в том, – снова заговорила она, – что мы не за тех их приняли. Это не убийцы и не воры. Это две старые трогательные пенсионерки-учительницы, которые всю жизнь копили деньги на поездку в Венецию. Они приехали из какой-нибудь богом забытой Уалабанги в Австралии. И зовут их Тилли и Тайни.

С тех пор как они уехали из Лондона, в ее голосе впервые вновь зазвучали журчащие нотки, которые он так любил, а тревожная складка между бровями разгладилась. Наконец-то, подумал он, наконец-то она начинает приходить в себя. Если мне удастся помочь ей не сорваться, если мы сможем снова шутить, как обычно шутили на отдыхе и дома, придумывая смешные, фантастические истории про людей, сидящих за другими столиками, остановившихся в том же отеле, бродящих по художественным галереям и церквям, то все образуется. Жизнь станет такой, как прежде, рана затянется, она забудет.

– Знаешь, – сказала Лора, – ланч удался, мне все очень понравилось.

Слава богу, подумал он, слава богу... Подавшись вперед, он заговорщицким шепотом сказал:

– Один из них собирается в туалет. Как по-твоему, он – или пока еще она – будет менять парик?

---

¹ Остров в северной части Венецианской лагуны. – Здесь и далее примечания переводчиков.

– Ничего не говори, – прошептала Лора. – Я пойду за ней и выясню. Может быть, у нее спрятан там чемодан и она намерена сменить костюм.

Она стала напевать вполголоса – утешительный знак для ее мужа. Призрак на время растаял, и все из-за привычной, давно забытой игры, к которой они вернулись по чистой случайности.

– Она уже идет? – спросила Лора.

– Сейчас пройдет мимо нашего столика.

Сама по себе женщина была ничем не примечательна. Высокая, худая, с орлиным профилем и коротко подстриженными волосами – такую прическу во времена его матери называли итонской стрижкой, и на всем ее облике лежал отпечаток именно этого поколения. Он предположил, что ей лет шестьдесят пять: мужская рубашка с галстуком, спортивная куртка, серая твидовая юбка до середины икры. Серые чулки и черные туфли на шнуровке. Он видел женщин этого типа на полях для игры в гольф и собачьих выставках (не охотничьих пород, а каких-нибудь мопсов), и если встречался с ними у кого-нибудь в гостях, они закуривали от зажигалки быстрее, чем он успевал вынуть из кармана спички. Широко распространенное мнение, что они, как правило, живут с более женственной, мягкой компаньонкой, не всегда соответствует истине. Очень часто у такой дамы имеется обожаемый муж, любитель гольфа. Самое поразительное заключалось в том, что женщин было две. Сестры-близнецы, похожие как две капли воды, словно отлитые по одной модели. Единственное различие состояло в том, что у второй волосы были совсем седые.

– А если, – прошептала Лора, – оказавшись рядом со мной в туалете, она начнет раздеваться?

– Все зависит от того, что окажется под одеждой, – ответил Джон. – Если она гермафродит, уноси ноги. Вдруг у нее припрятан шприц и она, чего доброго, всадит в тебя иглу – не успеешь до двери добраться.

Лора снова втянула щеки и вся затряслась. Затем она распрямила плечи и встала.

– Мне нельзя смеяться, – сказала она, – и не смотри на меня, когда я вернусь, особенно если с ней мы выйдем вместе. – Она взяла сумочку и с деланой невозмутимостью пошла вслед за своей добычей.

Джон вылил в стакан остатки кьянти и закурил. Ослепительные лучи солнца заливали маленький сад ресторана. Американцы уже ушли, ушли и бородач с моноклем, и семья, сидевшая в дальнем конце сада. Кругом царил покой. Одна из сестер сидела, закрыв глаза и откинувшись на спинку стула. Надо благодарить небеса, подумал он, хотя бы за эти минуты, за то, что можно немного расслабиться, за то, что Лора увлеклась своей глупой, безобидной игрой. Возможно, отдых послужит лекарством, которое ей так необходимо, притушит, пусть ненадолго, глухое отчаяние, которое не оставляет ее с того дня, как умерла их дочка.

– Это пройдет, – сказал врач. – У всех проходит со временем. К тому же у вас есть еще сын.

– Я понимаю, – сказал Джон, – но в дочке она души не чаяла. Так было всегда, с самого начала, не знаю почему. Возможно, из-за разницы в возрасте. Сын учится в школе, к тому же он довольно своенравный, уже стремится к самостоятельности. Это не пятилетняя малышка. Лора ее просто обожала, к нам с Джонни она никогда ничего подобного не испытывала.

– Дайте ей время, – повторил врач, – дайте время. Во всяком случае, оба вы еще молоды. Будут другие дети. Другая дочь.

Легко говорить... Как можно фантазиями о будущем заменить горячо любимого потерянного ребенка? Он слишком хорошо знал Лору. У другого ребенка, другой девочки будут другие качества, своя индивидуальность, и это способно даже вызвать у матери неприязнь. В колыбели, в кроватке, которые принадлежали Кристине, – узурпатор. Круглолицая, русая копия Джонни вместо покинувшей их маленькой темноволосой феи.

Он поднял глаза от бокала с вином. Женщина, вторая из сестер, снова пристально глядела на него. Это не был безразличный, ленивый взгляд человека, который, сидя за соседним столиком, ожидает возвращения своей спутницы; в ее взгляде чувствовалось нечто более серьезное, напряженное, значительное. От этих буравящих его светло-голубых глаз ему вдруг стало не по себе. Черт бы ее побрал! Ну да ладно, пялся, если охота. В гляделки можно играть и вдвоем. Он выпустил в воздух облачко сигаретного дыма и улыбнулся ей, как он надеялся, довольно оскорбительно. На ее лице не дрогнул ни один мускул. Голубые глаза продолжали упорно смотреть на него; наконец он не выдержал и отвел взгляд. Он погасил сигарету, оглянулся через плечо на официанта и знаком попросил принести счет. Расплатившись, получив сдачу и небрежно похвалив ресторанный кухню, он несколько успокоился, но покалывание в голове и ощущение странной тревоги не проходили. Затем все прекратилось так же внезапно, как началось, и, украдкой взглянув на другой столик, он увидел, что глаза женщины снова закрыты и она, как и прежде, спит или дремлет. Официант исчез. Все было тихо.

Взглянув на часы, он подумал, что Лора слишком задерживается. Прошло по меньшей мере десять минут. Так или иначе, надо ее поддразнить. Он начал придумывать шутивную историю. Как старая кукла разделась до трусов, предлагая Лоре сделать то же самое... И тут внезапно появляется управляющий с воплями, что репутации ресторана нанесен непоправимый ущерб, – явный намек на неприятные последствия в случае, если виновные не... Оказывается, все это подстроено с целью шантажа. Его, Лору и близнецов на полицейском катере отвозят обратно в Венецию для допроса. Пятнадцать минут... Ну, возвращайся же, возвращайся...

На дорожке послышался скрип гравия. Мимо прошла сестра-близнец, одна. Она подошла к своему столику и немного помедлила. Высокая, тощая фигура заслонила от Джона ее сестру. Она что-то говорила, но слов он не мог разобрать. Какой акцент – шотландский? Затем она наклонилась, подала руку своей сидевшей сестре, и они вместе пошли через сад к проходу в низкой живой изгороди; недавно смотревшая на Джона женщина опиралась на руку своей сестры. Он заметил, что она ниже ростом и больше сутулится – возможно, по причине подагры. Когда они скрылись из виду, Джон нетерпеливо поднялся и хотел уже один вернуться в отель, но тут появилась Лора.

– Однако ты не торопишься, – начал он, но, увидев выражение ее лица, замолчал. – В чем дело? Что случилось? – спросил он.

Он сразу понял – что-то не ладно. Она была почти в состоянии шока. Пошатываясь, она подошла к столику, из-за которого он только что встал, и села. Он подвинул стул поближе к ней и взял ее за руку.

– Дорогая, в чем дело? Скажи мне – тебе нехорошо?

Она покачала головой, повернулась и посмотрела на него. Потрясение, которое он заметил на ее лице, сменилось выражением уверенности, почти экзальтации.

– Это просто невероятно, – медленно проговорила она. – Самое невероятное, что только может быть. Понимаешь, она не умерла, она по-прежнему с нами. Поэтому они и смотрели на нас так пристально, эти две сестры. Они видели Кристину.

О боже, подумал он. Этого я и боялся. Она сходит с ума. Что мне делать? Как с этим справиться?

– Лора, милая, – начал он, с трудом заставив себя улыбнуться, – послушай, может быть, мы пойдем? Я расплатился по счету, мы еще успеем осмотреть собор, немного пройтись, а там уже будет пора возвращаться на катере в Венецию.

Она не слушала, по крайней мере, смысл его слов не доходил до нее.

– Джон, любимый, – сказала она, – мне надо рассказать тебе о том, что произошло. Как мы и придумали, я пошла за ней в этот самый toilette². Она стояла перед зеркалом и причесы-

---

² Туалет (фр.).

вალაсть, я вошла в кабину, потом вышла и стала мыть руки. Она мыла руки в соседней раковине. Вдруг она повернулась ко мне и сказала с сильным шотландским акцентом: «Забудьте про свое горе. Моя сестра видела вашу маленькую дочку. Она сидела между вами и вашим мужем и смеялась». Представляешь? Я думала, что потеряю сознание. Почти так и случилось. К счастью, там был стул, я села, а эта женщина наклонилась надо мной и погладила по голове. Не помню точно ее слов, что-то про момент правды и радости – острый, как лезвие, но не надо бояться, все хорошо, видение сестре было очень отчетливым, потому они и решили, что надо обязательно сказать об этом мне и что Кристина хочет того же. О Джон, не смотри на меня так! Клянусь, я ничего не придумала, именно так она мне и сказала, все это правда.

В ее голосе звучала такая отчаянная настойчивость, что у него защемило сердце. Он должен продолжать эту игру, соглашаться, утешать – все что угодно, лишь бы вернуть ей хоть частицу покоя.

– Лора, дорогая, конечно же, я тебе верю, – сказал он, – только это своего рода шок, и я расстроен, из-за того что расстроена ты...

– Но я не расстроена, – перебила она. – Я счастлива, так счастлива, что не могу выразить свои чувства словами. Ты знаешь, каково мне было все эти недели дома и везде, куда бы мы ни ехали, хоть я и старалась скрывать это от тебя. Сейчас все прошло, потому что я знаю, точно знаю, что эта женщина права. О господи, как ужасно с моей стороны – я забыла ее имя, а ведь она мне его назвала. Видишь ли, она в прошлом врач, они приехали из Эдинбурга, а та, которая видела Кристину, ослепла несколько лет назад. Она всю жизнь изучала оккультные науки и всегда обладала очень тонкой психикой, но, только ослепнув, стала видеть то, чего не видят другие. У них было множество удивительных случаев. Но описать Кристину, как это сделала ее слепая сестра, вплоть до синего с белым платица, которое было на ней в день ее рождения, и сказать, что она улыбается... О дорогой, я так счастлива, что вот-вот заплачу.

Никакой истерики. Никакого буйства. Она вынула из сумочки носовой платок, высморкалась и улыбнулась ему.

– Ты же видишь, со мной все в порядке, тебе незачем беспокоиться. Нам обоим больше не о чем беспокоиться. Дай мне сигарету.

Он вынул из пачки сигарету и дал ей прикурить. Ее голос звучал нормально, она вновь стала такой, как прежде. Она не дрожала. И если эта неожиданная вера принесет ей счастье, он не станет ее разубеждать. Но... но он все равно жалел о случившемся. В чтении мыслей, в телепатии есть что-то жуткое. Ученые и те не могут дать этому объяснение, а ведь нечто подобное, должно быть, и произошло только что между Лорой и сестрами. Значит, та, которая пристально смотрела на него, слепа. Вот откуда у нее такой неподвижный, застывший взгляд. Это само по себе неприятно, просто мороз по коже пробирает. Черт возьми, подумал он, и зачем только мы здесь оказались. Простая случайность, им было равным счетом все равно, куда ехать – на Торчелло или в Падую на машине, и надо же было выбрать Торчелло.

– Ты не условилась встретиться с ними снова, поговорить еще?.. – спросил он с напускным безразличием.

– Нет, дорогой, к чему? – ответила Лора. – Я имею в виду, что им больше нечего мне сказать. У ее сестры было видение, вот и все. К тому же они уезжают. Даже странно, это так похоже на нашу с тобой игру, с которой все началось. До возвращения в Шотландию они *действительно* объедут весь мир. Только я, кажется, поселила их в Австралии? Милые старушки... меньше всего они похожи на убийц и похитителей драгоценностей!

Лора уже полностью оправилась от потрясения. Она встала и огляделась.

– Пойдем, – сказала она. – Раз мы приехали на Торчелло, надо увидеть собор.

Из ресторана они вышли на площадь, уставленную лотками с шарфами, безделушками, дешевыми украшениями, почтовыми открытками, и, перейдя ее, по узкой дороге направились к собору. С паромы только что высадились толпа туристов, и многие уже нашли дорогу к Санта-

Марии Ассунта. Неустрасимая Лора попросила мужа дать ей путеводитель и по привычке, которой она никогда не изменяла в прежние, более счастливые дни, стала медленно обходить собор слева направо, изучая мозаики, колонны, панели, тем временем как занятый мыслями о случившемся Джон проявлял к ним гораздо меньший интерес и, идя за ней следом, внимательно смотрел, не появятся ли сестры-близнецы. Но среди экскурсантов их не было. Вероятно, они пошли в расположенную неподалеку церковь Санта-Фоска. Неожиданная встреча с ними теперь вызвала бы общее замешательство, не говоря о том впечатлении, какое она произвела бы на Лору. И напротив, безмянные, шаркающие ногами, жадные до культуры туристы вреда ей не причинят, хотя, с его точки зрения, в такой толчее оценить художественные достоинства собора невозможно. Он не мог сосредоточиться, холодная красота того, что он видел, оставляла его равнодушным, и, когда Лора дотронулась до его рукава и показала на мозаичное изображение Мадонны с Младенцем, стоявшей над фризом с апостолами, он кивнул, но ничего не сказал – длинное грустное лицо Мадонны показалось ему бесконечно далеким. Повинуясь внезапному порыву, он посмотрел через головы туристов в сторону двери, где помещались фрески с праведниками и грешниками.

Там стояли близнецы: слепая опиралась на руку сестры, и ее невидящий взгляд был прикован к Джону. Слово окаменев, он чувствовал, что не может сдвинуться с места, ощущение рокового исхода, неотвратимой трагедии охватило его. И со странным равнодушием он подумал: «Это конец, нет спасения, нет будущего». Затем обе сестры повернулись, вышли из собора, и только что владевшее всем его существом чувство бессилия пропало, оставив после себя досаду и нарастающий гнев. Как смеют эти две старые дуры производить над ним свои спиритические опыты? Просто возмутительно, неприлично; не иначе, тем они и живут – путешествуют по свету и выводят из равновесия всех, с кем встречаются. Дай им малейшую возможность, они вытянут из Лоры деньги, получают все, чего пожелают.

Он почувствовал, что жена дергает его за рукав.

– Разве она не прекрасна? Такая счастливая, такая безмятежная.

– Кто? Что? – спросил он.

– Мадонна, – ответила она. – В ней есть что-то магическое. То, что проникает в душу.

Разве ты этого не чувствуешь?

– Пожалуй, да. Не знаю. Вокруг слишком много народа.

Она с удивлением подняла на него глаза.

– Разве это имеет значение? Какой ты смешной. Ну ладно, давай уйдем от них. К тому же мне надо купить несколько открыток.

Разочарованная тем, что он не проявляет никакого интереса, она стала пробираться через толпу туристов к двери.

– Послушай, – отрывисто сказал он, когда они вышли наружу, – на открытки у нас еще уйма времени, давай немного обследуем окрестности.

И свернул с пути, который привел бы их обратно в центр с небольшими домами, киосками и неутомимой толпой, на узкую тропу через пустошь; впереди виднелось что-то вроде глубокого рва или канала. В контрасте с яростным солнцем вид светлой прозрачной воды навевал покой и умиротворение.

– Не думаю, чтобы эта дорога вела к чему-нибудь интересному, – сказала Лора. – К тому же здесь довольно грязно, не посидишь. А на острове еще столько мест, которые, как сказано в путеводителе, непременно надо увидеть.

– Ах, забудь про путеводитель, – нетерпеливо сказал он и, усадив рядом с собой на берегу канала, обнял ее за талию. – Кто осматривает достопримечательности в такое время дня? Смотри, вон крыса плывет. – Он поднял камень и бросил его в воду; животное пошло ко дну или просто скрылось под водой, и на том месте остались одни пузырьки.

– Не надо, – сказала Лора, – это жестоко. Бедняжка! – И, положив руку ему на колено, вдруг спросила: – Как ты думаешь, Кристина сидит здесь с нами?

Он ответил не сразу. Да и что тут скажешь? Неужели так теперь будет всегда?

– Думаю, да, – медленно проговорил он, – раз у тебя такое чувство.

Малышка Кристина – до появления первых признаков рокового менингита, – сбросив туфельки, принялась бы весело бегать по берегу и просить, чтобы ей разрешили зайти в воду, и Лора бы с ума сходила от страха и беспокойства. «Доченька, осторожно, вернись назад...»

– Эта женщина сказала, что, сидя с нами, она улыбалась и выглядела очень счастливой, – сообщила Лора, вставая и отряхивая платье, словно почувствовав внезапно беспокойство. – Пойдем, давай вернемся.

Он шел следом за ней с упавшим сердцем. Он знал, что она вовсе не собиралась покупать открытки или осматривать то, что они не успели осмотреть; она хотела отыскать тех женщин, необязательно чтобы поговорить, а просто побыть рядом с ними. Когда они дошли до площадки с киосками, он заметил, что толпа туристов поредела, осталось лишь несколько человек и сестер среди них не было. Наверное, они присоединились к основной группе, прибывшей на пароме. Он вздохнул свободнее.

– Посмотри, во втором киоске масса открыток, – поспешно сказал он, – и очень привлекательные шарфы. Давай купим тебе шарф.

– Дорогой, у меня их и так много, – запротестовала она. – Не трать попусту лиры.

– Это не пустая трата. У меня такое настроение, хочется что-нибудь купить. Как насчет корзинки, ты же знаешь, нам всегда не хватает корзинок. Или вон кружева. Как насчет кружев?

Лора рассмеялась и позволила ему подвести себя к киоску. Он рылся в разложенных перед ними товарах, болтал с улыбающейся продавщицей, и ее улыбка становилась все шире от его чудовищного итальянского, но про себя он знал, что просто тянет время, дает толпе туристов возможность дойти до причала и сесть на паром – и тогда сестры-близнецы навсегда исчезнут из виду, исчезнут из их жизни.

– Никогда, – сказала Лора минут через двадцать, – так много барахла не вмещалось в такой маленькой корзинке.

Ее журчащий смех ободрил его, он вновь поверил, что все хорошо, что ему больше не о чем тревожиться, что недобрый час миновал. Катер от «Чиприани»³, который привез их из Венеции, ждал у причала. Приехавшие с ними пассажиры, несколько американцев и господин с моноклем, уже собрались. Утром, собираясь на экскурсию, он подумал, что цена за ланч и катер туда и обратно непомерно высока. Теперь он о деньгах не вспоминал и жалел лишь об одном: экскурсия на Торчелло оказалась самой большой ошибкой за время их пребывания в Венеции. Они поднялись на палубу, выбрали удобное место, и катер, пыхтя, поплыл по каналу и вскоре вошел в лагуну. Паром отошел раньше – в сторону Мурано⁴, тогда как их судно, пройдя мимо Сан-Франческо дель Дезерто⁵, взяло курс прямо на Венецию.

Он снова обнял жену и крепко прижал к себе; на этот раз она улыбнулась и положила голову ему на плечо.

– Какой прекрасный день, – сказала она. – Я никогда его не забуду, никогда. Знаешь, дорогой, теперь я наконец-то смогу получать удовольствие от нашего отдыха.

Ему хотелось кричать от радости. Все будет хорошо, решил он, пусть верит во что хочет, если эта вера делает ее счастливой. Четким контуром на фоне полыхающего заката во всей своей красе вставала перед ними Венеция, где им еще столько предстоит увидеть; теперь, когда настроение у нее переменялось и мрак рассеялся, бродить по городу вдвоем будет просто вос-

---

³ Знаменитый ресторан в Венеции.

⁴ Остров вблизи Венеции.

⁵ Островок рядом с Мурано.

хитительно, и он вслух принялся обсуждать предстоящий вечер, куда им пойти ужинать, – не в ресторан по соседству с «Ла Фениче», куда они обычно ходили, а в какое-нибудь другое, новое место.

– Да, но только чтобы недорого, – сказала она, уступая его порыву, – сегодня мы и так много потратили.

В их отеле на Большом канале⁶ обстановка была приветливая, умиротворяющая. Портье с улыбкой протянул им ключ. В спальне все было знакомо, как дома, на туалетном столике аккуратно расставлены Лорины вещи, но при этом в ней царил едва уловимая атмосфера праздника, новизны, волнения, какой дышат только комнаты, в которых мы останавливаемся на краткие дни отдыха. Они наши лишь на мгновение, не более. Пока мы там, они живут. Когда мы уезжаем, они больше не существуют, они растворяются в безликости. В ванной комнате он отвернул оба крана, вода хлынула мощным потоком, клубы пара поднялись к потолку. Теперь, подумал он, возвращаясь в спальню, теперь самое время заняться любовью. Она поняла, протянула к нему руки и улыбнулась. Какое благодатное облегчение после долгих недель воздержания!

– Ты знаешь, – сказала Лора, уже надевая перед зеркалом серьги, – я не безумно голодна. Давай не будем ничего придумывать и поедим прямо здесь, в отеле?

– Нет, боже упаси! – воскликнул он. – С унылыми парами за соседними столами? Я умираю с голоду, а еще мне очень весело. Я хочу изрядно набраться.

– Только никакого яркого света и музыки, ладно?

– Нет-нет... какой-нибудь маленький темный грот, злачное место, приют влюбленных – любителей адюльтера.

– Хм, – фыркнула Лора, – знаем мы, что это значит. Ты заметишь какую-нибудь итальянскую красотку лет шестнадцати и весь ужин будешь глупо ей улыбаться – а мне что делать? Любоваться на широченную спину ее спутника?

Смеясь, они вышли на улицу и окунулись в теплый венецианский вечер – словно попали в волшебную сказку.

– Давай пройдемся, – сказал он, – пройдемся и нагуляем аппетит, чтобы съесть целую гору еды.

Разумеется, они оказались возле Моло⁷, где гондолы с легким плеском танцевали на воде и свет повсюду сливался с тьмой... Другие пары, как и они, без определенной цели, удовольствия ради бродили взад-вперед; шумели и размахивали руками вездесущие матросы, ходившие небольшими компаниями; стучали каблучками, перешептывались черноглазые девушки.

– Беда в том, – сказала Лора, – что, отправившись гулять по Венеции, невозможно остановиться. Ну только через вон тот мост, говоришь ты себе, – и тебя тут же манит другой. Я уверена, что дальше нет никаких ресторанов, мы почти дошли до сада, где проводятся биеннале. Повернем назад. Я знаю один ресторанчик, где-то недалеко от церкви Сан-Дзаккариа, к нему ведет узкий переулок.

– Послушай, – сказал Джон, – если мы пройдем немного дальше, за Арсенал⁸, а там перейдем мост и повернем налево, то подойдем к Сан-Дзаккариа с другой стороны. Вчера утром мы так уже ходили.

– Да, но ведь тогда было светло. Сейчас мы можем заблудиться.

– Спокойно. У меня инстинкт на такие дела...

---

⁶ Самый старый и самый протяженный канал Венеции, протекающий в ее центральной части; по его сторонам высятся роскошные палаццо (дворцы).

⁷ Часть набережной вдоль канала Бачино ди Сан-Марко в Венеции.

⁸ Квартал Венеции, названный по комплексу зданий, в который входят верфи, мастерские и склады, где строились корабли венецианского флота; создание Арсенала относится к началу XIV в.

Они свернули за Фондамента дель Арсенале⁹, перешли через мостик почти у самого Арсенала и, пройдя еще немного, оказались у церкви Сан-Мартино. Перед ними расходились два канала, один направо, другой налево, вдоль каждого тянулась узкая улочка. Джон остановился в нерешительности. По какому они шли накануне?

– Вот видишь, – недовольно сказала Лора, – я же говорила, мы заблудимся.

– Чепуха, – твердым голосом возразил Джон, – надо идти по левому, я помню этот мостик.

Канал был узкий, дома по обеим сторонам, казалось, нависали над ним, и днем, когда солнечные лучи отражались в воде, когда окна домов были открыты и на балконных перилах проветривалось постельное белье, а в клетках пели канарейки, здесь все дышало уютом и покоем. Но при тусклом свете одинокого фонаря, почти в темноте, когда все окна закрыты ставнями и от воды тянет сыростью, картина до неузнаваемости менялась и производила впечатление заброшенности, нищеты и убогости, а длинные, узкие лодки, стоявшие у скользких ступеней лестниц, напоминали гробы.

– Клянусь, я не помню этого моста, – сказала Лора, взявшись рукой за перила. – И мне не нравится вид переулка за ним.

– Немного дальше впереди горит фонарь, – сказал ей Джон. – Я сообразил, где мы, – недалеко от Греческого квартала.

Они перешли мост и собирались нырнуть в переулок, когда услышали крик. Он явно раздался в одном из домов на другой стороне канала, но из какого именно, определить было невозможно. С закрытыми ставнями каждый из них казался мертвым. Они обернулись и посмотрели туда, откуда донесся звук.

– Что это? – прошептала Лора.

– Какой-нибудь пьяный, – коротко сказал Джон. – Пойдем.

Нет, это не был крик пьяного, скорее сдавленный крик человека, которого схватили за горло и душат.

– Надо вызвать полицию, – сказала Лора.

– О, ради всего святого, – сказал Джон. Уж не думает ли она, что стоит на Пикадилли?

– Я иду назад, здесь просто жутко, – сказала она и торопливо пошла по извилистому переулку.

Джон в нерешительности помедлил – его взгляд упал на маленькую фигуру, которая вдруг выбралась из подвальной двери одного из домов на противоположной стороне канала и прыгнула в узкую лодку. Это был ребенок, маленькая девочка – не старше пяти или шести лет, – в коротком пальтеце, едва прикрывавшем юбочку, с островерхим капюшоном на голове, который делал ее похожей на гнома. На канале стояли четыре лодки, привязанные одна за другой; с удивительным проворством, словно от кого-то спасаясь, девочка из первой перепрыгнула во вторую, затем в третью. Когда при очередном прыжке кроха поскользнулась и едва не упала в воду, у него перехватило дыхание; но она удержалась на ногах и прыгнула в последнюю лодку. Перегнувшись через борт, она изо всех сил потянула за веревку, лодка развернулась и стала поперек канала, почти касаясь кормой берега возле входа в другой подвал, футах в тридцати от того места, где стоял Джон. Девочка прыгнула на берег, сбегала вниз по ступеням и скрылась в доме, а лодка вновь сделала полуразворот и встала на прежнее место посередине канала. Весь эпизод занял не более четырех минут. Затем он услышал торопливые шаги – Лора вернулась. Слава богу, только сейчас. Вид ребенка, маленькой девочки, которой грозит почти неминуемая опасность, страх, что сцена, свидетелем которой он только что был, каким-то образом связана с услышанным ими тревожным криком, – все это могло катастрофически подействовать на ее взвинченные нервы.

---

⁹ Набережная вдоль Арсенального канала (Рио дель Арсенале), почти под прямым углом к каналу Башино ди Сан-Марко.

– Что ты тут застрял? – крикнула она. – Мне страшно идти дальше без тебя. Проклятый переулок расходится в две стороны.

– Извини, – сказал он. – Я иду.

Он взял ее под руку и быстро, уверенно повел по переулку.

– Криков больше не было? – спросила она.

– Нет, – ответил он, – не было. Я же сказал тебе, что это какой-то пьяный.

Переулок привел их на безлюдную маленькую площадь за церковью, но не за той, которую он знал; они пересекли эту площадь, пошли по какой-то улице и перешли еще один мост.

– Подожди минуту, – сказал он. – Думаю, нам надо повернуть направо. Так мы дойдем до Греческого квартала, а там рукой подать до церкви Сан-Джорджо.

Она не ответила. Она начала терять веру. Это было похоже на лабиринт. Они могли до бесконечности кружить по нему и в результате оказаться там, откуда пришли, около моста, где услышали крик. Он упрямо вел ее за собой, и вот, к их обоюдному удивлению и облегчению, они увидели впереди гуляющих по освещенной улице людей, церковный шпиль и знакомые здания.

– Вот видишь, я же говорил, – сказал он, – это Сан-Дзаккариа, все в порядке. Твой ресторанчик должен быть неподалеку.

Впрочем, ресторанов, где можно поесть, предостаточно; по крайней мере здесь – веселое сверкание огней, движение, каналы, вдоль которых прогуливается народ, атмосфера туризма. В конце левого переулочка, подобно маяку, синими огнями сияло слово «Ristorante».

– Это и есть твое место? – спросил он.

– Одному богу известно, – сказала она. – Да какая разница! Давай поедим здесь.

И вот: неожиданно горячий воздух, гул голосов, запах вина и спагетти, официанты, толчея, смех. «На двоих? Сюда, плиз». Почему, подумал он, принадлежность к британской нации сразу бросается в глаза? Стиснутый со всех сторон маленький столик, огромное меню, неразборчиво исписанное бурными чернилами, и согнувшийся в ожидании заказа официант.

– Два самых больших кампари с содовой, – сказал Джон. – А *потом* мы изучим меню.

Он не хотел, чтобы его торопили. Он протянул меню Лоре и огляделся по сторонам. В основном итальянцы – значит еда хорошая. Затем он увидел их. В конце зала. Сестер-близнецов. Должно быть, они вошли в ресторан почти сразу за Джоном и Лорой – они только что сняли пальто и усаживались за столик, над которым склонился официант. Джону пришла на ум безрассудная мысль, что это вовсе не совпадение. Сестры заметили их на улице и пошли за ними. Почему, черт возьми, подумал он, во всей Венеции они выбрали именно это место, разве только... разве только Лора еще на Торчелло предложила им встретиться снова – или сами сестры предложили ей это? Небольшой ресторанчик рядом с церковью Сан-Дзаккариа, иногда мы ходим туда обедать. Ведь именно Лора упомянула Сан-Дзаккариа...

Она внимательно изучала меню и не видела сестер. Но она вот-вот отложит меню, поднимет голову и посмотрит в противоположный конец зала. Скорее бы принесли напитки! Если бы официант сейчас принес напитки, Лоре было бы чем заняться.

– Знаешь, я вот что подумал, – торопливо заговорил он, – завтра нам обязательно надо взять машину и съездить в Падую. В Падую мы могли бы пообедать, осмотреть собор, прикоснуться к гробнице святого Антония, взглянуть на фрески Джотто и вернуться по берегу Brenty – взглянуть на хваленые виллы, которые так рекламируют в путеводителе.

Бесполезно. Она подняла голову, перевела взгляд на другой конец ресторана и вдруг чуть не вскрикнула от удивления. Искренне. В этом он мог бы поклясться.

– Ты посмотри! – сказала она. – Надо же! Просто поразительно!

– Что такое? – резко спросил он.

– Как что? Вон они. Мои чудесные старушки-близнецы. Они нас тоже увидели, представь. Смотрят в нашу сторону.

Лора помахала рукой, сияя от радости. Сестра, с которой она разговаривала на Торчелло, поклонилась и улыбнулась. Старая притворщица, подумал он, не сомневаясь, что старухи нарочно их выследили.

– Ах, дорогой, мне надо пойти и поговорить с ними, – порывисто сказала она, – благодаря им я была весь день так счастлива!

– Ох, ради всего святого, – застонал он. – Смотри, вот и наша выпивка. И мы еще не сделали заказ. Нельзя немного подождать, пока мы не поедем?

– Я только на минуту, – сказала она, – закажи мне креветки, больше я ничего не хочу. Я ведь говорила тебе, что не голодна.

Она встала из-за стола и, быстро пройдя мимо официанта, несущего напитки, пересекла зал. Казалось, она встретила старых добрых друзей. Он видел, как она наклонилась над столом, пожала руки обеим сестрам и, поскольку там был один свободный стул, подвинула его к столу и села, оживленно что-то говоря и приветливо улыбаясь. Сестры как будто нисколько не удивились, во всяком случае та, с которой Лора успела познакомиться: она кивала и что-то говорила в ответ, тогда как слепая с отсутствующим выражением сидела молча.

Ну и ладно, сердито подумал Джон, тогда я действительно наберусь. Он допил кампари с содовой, заказал еще, потом вспомнил про креветки – *скампи* – для Лоры, а себе велел принести нечто непонятное, наугад ткнув пальцем в меню.

– И бутылку соаве, – добавил он, – со льдом.

Так или иначе, вечер был испорчен. Вместо интимного, веселого праздника – тягостный бред: спиритические видения, бедная маленькая мертвая Кристина с ними за одним столом, что чертовски глупо, если в своей земной жизни в это время она всегда уже лежала в кровати. Горьковатый вкус кампари соответствовал вдруг проснувшейся в нем жалости к самому себе. Все это время он смотрел на троицу за столиком в противоположном углу: Лора по большей части слушала, тогда как более деятельная сестра о чем-то разглагольствовала, а слепая сидела молча, устремив невидящий взгляд в его сторону.

Она обманщица, подумал он, она вовсе не слепая. Обе они мошенницы, в конце концов, вполне возможно, что это и впрямь переодетые мужчины, как мы придумали на Торчелло, и они нацелились на Лору.

Он взялся за второй бокал кампари. Две порции спиртного, вылитые на голодный желудок, не замедлили сказаться. А Лора все сидела за чужим столиком и, пока деятельная сестрица вещала, время от времени вставляла какой-то вопрос. Появился официант с креветками и второй с заказом Джона – чем-то непонятным, залитым лиловато-серым соусом.

– Синьора не приходит? – спросил официант.

Джон мрачно покачал головой и плохо слушающимся пальцем ткнул в конец зала.

– Скажите синьоре, что *скампи* остынут, – сказал он, тщательно выговаривая каждое слово.

Он опустил глаза на стоявшее перед ним блюдо и осторожно ткнул его вилкой. Сероватый соус растекался, под ним оказались два огромных круглых куса, по виду похожих на вареную свинину, гарнированную чесноком. Он отрезал на пробу кусочек, положил в рот и стал жевать – да, это была свинина, дымящаяся, сочная, а острый соус оказался, как ни странно, очень сладким. Он опустил вилку, отодвинул тарелку и увидел, что Лора идет через зал назад, к нему. Лора ничего не сказала; оно и лучше, подумал он: его начало тошнить, и он не смог бы ответить. Виной тому было не только спиртное, но и весь этот кошмарный день. Не сказав ни слова, она принялась за креветки. Казалось, она не замечает, что муж не ест. Склонившийся над его локтем встревоженный официант, видимо, решил, что Джон ошибся с выбором, и осторожно убрал тарелку.

– Принесите мне зеленого салата, – пробормотал он.

Лора и тут не выказала удивления, не упрекнула его за то, что он перебрал, как непременно сделала бы при обычных обстоятельствах. Покончив с креветками и потягивая вино, от которого Джон отказался, – сам он отщипывал салат маленькими порциями, как больной кролик, – она наконец заговорила.

– Дорогой, – сказала она, – я знаю, ты не поверишь, в чем-то это даже дико, но вчера, выйдя из ресторана на Торчелло, сестры пошли в собор, хоть мы их и не видели в толпе, и у слепой сестры снова было видение. Она говорит, Кристина пыталась сказать ей, что нам опасно оставаться в Венеции. Кристина хочет, чтобы мы как можно скорее уехали.

Ах, вот оно что, подумал он. Они считают, что могут управлять нашей жизнью. Отныне это будет нашей вечной головной болью. Можно ли нам поесть? Можно ли встать? Можно ли лечь спать? По всем вопросам нужно связываться с сестрами-близнецами. Они будут нас направлять.

– Ну, – сказала она, – почему ты молчишь?

– Потому что, – ответил он, – ты абсолютно права, я не верю. Откровенно говоря, я считаю твоих престарелых сестриц парой шарлатанок, ни больше ни меньше. У них явно нелады с психикой. Извини, если я делаю тебе больно, но в тебе они нашли легковверную дурочку.

– Ты несправедлив, – сказала Лора, – они говорят совершенно искренно, я знаю. Я просто уверена.

– Ладно. Допустим. Они искренни. Но из этого не следует, что у них лады с психикой. Нет, правда, дорогая, ты на десять минут встречаешься с этой старухой в уборной, она уверяет, что видит с нами Кристину; так ведь любой человек, наделенный телепатическими способностями, мог бы прочесть твои подсознательные мысли. Затем, довольная успехом, как был бы доволен всякий экстрасенс, она впадает в очередной экстаз и желает изгнать нас из Венеции. Ну уж нет, извините, к черту!

Комната перестала плыть у него перед глазами. Гнев протрезвил его. Если бы это не поставило Лору в неловкое положение, он бы поднялся, подошел к столику старых дур и сказал бы, куда им следует убираться.

– Я знала, что именно так ты к этому и отнесешься, – сказала Лора. – Я их предупредила. Они сказали, чтобы я не беспокоилась. Если завтра мы уедем из Венеции, все будет в порядке.

– Ох, ради бога!.. – сказал Джон и налил себе вина.

– В конце концов, – продолжала Лора, – мы уже видели в Венеции все самое главное. Я бы не против поехать куда-нибудь еще. А если мы останемся – это звучит глупо, я знаю, но у меня на душе будут кошки скрести, оттого что мы не послушались Кристину и она теперь расстраивается.

– Хорошо, – сказал он зловеще спокойно. – Это решает дело. Мы уедем. Я предлагаю сейчас же пойти в отель и предупредить, что завтра утром мы уезжаем. Ты сыта?

– Ах, дорогой, не надо так. – Лора вздохнула. – Послушай, давай подойдем к ним, и они сами объяснят тебе свое видение. Возможно, тогда ты отнесся бы к этому серьезно. Тем более что дело касается прежде всего тебя. И беспокоится Кристина больше о тебе, чем обо мне. Но самое удивительное – слепая сестра говорит, что ты медиум, хоть и не знаешь об этом. Ты каким-то образом связан с неведомым, а я нет.

– Вот те на, приехали, – сказал Джон. – Значит, я медиум? Отлично. Моя сверхъестественная интуиция велит мне немедленно убираться из этого ресторана, а все, что касается отъезда из Венеции, можно решить в отеле.

Он жестом попросил официанта принести счет, и они стали ждать в полном молчании; огорченная Лора вертела в руках свою сумочку, а Джон, украдкой взглянув на столик сестер, заметил, что они, забыв на время про мистику, уплетают целые горы спагетти. Расплатившись по счету, Джон отодвинул свой стул.

– Ну, ты готова? – спросил он.

– Сперва я схожу попрощаться с ними, – сказала Лора, и надутое выражение ее лица болезненно напомнило ему их бедную умершую малышку.

– Как хочешь, – ответил он и, не оглядываясь, пошел перед ней к выходу из ресторана.

Мягкая вечерняя влажность, при которой так приятно гулять, превратилась в дождь. Толпа прогуливавшихся туристов растаяла. Мимо него прошли два или три человека под зонтиками. Вот что видят местные жители, подумал он. Вот подлинная жизнь. Пустые по ночам улицы и стоячая вода канала, дома с закрытыми ставнями. Остальное – не более чем выставленный напоказ блестящий фасад, сверкающий в лучах солнца.

Наконец Лора вышла, они молча зашагали рядом и вскоре, оказавшись за Дворцом дождей, вышли на площадь Сан-Марко. Дождь перешел в ливень, и они вместе с несколькими прохожими укрылись в аркаде. Оркестры смолкли, музыканты разошлись. Столики стояли без скатертей. Стулья были перевернуты.

Эксперты правы, подумал он. Венеция уходит под воду. Весь город медленно умирает. Настанет день, когда туристы будут приезжать сюда на лодках и, вглядываясь в глубину, далеко-далеко под собой увидят пилястры, колонны, мрамор; на краткие мгновения ил и грязь откроют для них мертвый мраморный мир.

Их каблуки громко стучали по тротуару, дождь хлестал из водосточных труб. Отличный конец для вечера, который начался с такой отважной надежды, с такой беззаботности!

Когда они пришли в отель, Лора сразу направилась к лифту, а Джон свернул к конторке портье взять у ночного дежурного ключ. Вместе с ключом тот протянул ему телеграмму. Какое-то мгновение он тупо смотрел на нее. Лора уже вошла в лифт. Он вскрыл конверт и прочел телеграмму. Она была от директора начальной школы, в которой учился Джонни.

Джонни городской больнице подозрением аппендицит. Никакой опасности, но просил вам сообщить. Чарльз Хилл.

Он дважды прочел телеграмму, после чего пошел к лифту, где ждала Лора. Он протянул ей телеграмму.

– Пришла, пока нас не было, – сказал он. – Не слишком хорошие новости.

Он нажал кнопку лифта, жена прочла телеграмму. Лифт остановился на третьем этаже, и они вышли.

– Ну что же, это все решает, не так ли? – сказала она. – Вот и доказательство. Мы должны покинуть Венецию, поскольку нам нужно домой. Опасность угрожает Джонни, а вовсе не нам. Это Кристина и старалась донести до сестер.

На следующее утро Джон первым делом заказал разговор с директором школы. Затем сообщил управляющему об отъезде. В ожидании телефонного звонка они стали упаковывать вещи. Ни один из них не упоминал о событиях минувшего дня, в этом не было необходимости. Джон твердо знал, что телеграмма и предчувствие опасности сестрами не более чем совпадение, но не видел смысла затевать спор. Лора была уверена в обратном, но интуиция подсказывала ей, что лучше держать свое мнение при себе. За завтраком они обсуждали, как лучше возвращаться домой. Поскольку туристический сезон только начинался, можно было бы взять билеты и вместе с машиной погрузиться на поезд со специальным вагоном-автовозом, который шел из Милана через Кале. Время терпит, директор школы не случайно написал, что никакой срочности нет.

Из Англии позвонили, когда Джон был в ванной. Трубку сняла Лора. Он вошел в спальню через несколько минут. Она еще разговаривала, но по выражению ее глаз Джон понял, что жена очень встревожена.

– Это миссис Хилл, – сказала она, – мистер Хилл в классе. Она говорит, из больницы сообщили, что Джонни провел беспокойную ночь, возможно, потребуется операция, хотя

хирург пойдет на это только в случае крайней необходимости. Они сделали рентгеновский снимок, им не нравится, как расположен аппендикс, короче говоря, я ничего не понимаю.

– Дай мне трубку, – сказал он.

До него долетел успокаивающий, но слегка настороженный голос жены директора школы.

– Мне жаль, если это нарушает ваши планы, – сказала она, – но мы с Чарльзом решили, что надо вам сообщить. Наверное, рядом с ним вы бы не так волновались. Джонни отлично держится, хотя, конечно, у него небольшой жар. Хирург говорит, что в этом нет ничего необычного, правда, иногда аппендикс смещается, и тогда все несколько сложнее. Относительно операции он решит сегодня вечером.

– Да, разумеется, мы понимаем, – сказал Джон.

– Пожалуйста, обязательно скажите жене, чтобы она не слишком волновалась, – продолжала она. – Больница прекрасная, доброжелательный персонал, и мы полностью доверяем хирургу.

– Да, – сказал Джон, – да, понятно. – Он прервался, увидев, что Лора делает ему какие-то знаки.

– Если нам не достанутся билеты на этот поезд, я могу вылететь самолетом, – сказала она. – Мне наверняка найдут билет. Тогда хотя бы один из нас сегодня же вечером будет дома.

Он кивнул в знак согласия.

– Благодарю вас, миссис Хилл, – сказал он. – Мы непременно вернемся. Да, я уверен, что Джонни в хороших руках. Поблагодарите за нас вашего мужа. До свидания.

Он положил трубку и огляделся: неубранные кровати, чемоданы на полу, разбросанная оберточная бумага. Корзины, карты, книги, плащи, пиджаки, куртки – все, что они привезли с собой в машине.

– О господи, – сказал он, – какой беспорядок, сколько баракла!

Снова зазвонил телефон. Это был портье, который сообщил, что ему удалось заказать спальные места для них обоих и место для машины на поезд, отбывающий завтра вечером.

– Послушайте, – сказала Лора, которая схватила трубку, – а вы не можете заказать для меня одно место на самолет, вылетающий сегодня днем из Венеции в Лондон? Мой муж с машиной может поехать завтра.

– Стой, положи трубку, – сказал Джон. – К чему такая паника? Одни сутки ничего не решают.

Беспокойство согнало краску с ее лица. Она в смятении повернулась к нему.

– Для тебя – возможно, но для меня решают, – сказала она. – Я уже потеряла одного ребенка и не собираюсь терять второго.

– Хорошо, дорогая, как скажешь...

Он протянул к ней руку, но она нетерпеливо отбросила ее и продолжила давать указания портье. Он снова принялся упаковывать вещи. Говорить что бы то ни было совершенно бесполезно. Пусть будет так, как она хочет. Конечно, они могли бы лететь вместе, а потом, когда с Джонни все образуется, он мог бы вернуться за машиной и отправиться домой через Францию, как они и собирались. Правда, это еще хлопотнее, да и расходов уйма. Но все-таки плохо, что Лора летит самолетом, а он с машиной потащится поездом из Милана.

– Если хочешь, можем лететь вместе, – задумчиво начал он, объясняя внезапно пришедшую ему в голову мысль, но она и слушать не стала.

– Вот это было бы действительно нелепо, – нетерпеливо сказала она. – Важно лишь то, что я буду там сегодня вечером, а ты приедешь следом. Кроме того, машина нам понадобится, чтобы ездить в больницу. А наш багаж? Мы ведь не можем все здесь бросить и уехать.

Разумеется, нет, – он принял ее доводы. Глупая идея. Она пришла ему в голову только потому, что он не меньше ее беспокоился за Джонни, хоть и не говорил этого.

– Спустишь вниз и потороплю портье, – сказала Лора. – От них больше толку, когда над ними стоишь. Все, что мне понадобится вечером, уже уложено. Я возьму с собой только свой чемодан. Остальное ты привезешь в машине.

После ее ухода не прошло и пяти минут, как снова зазвонил телефон. Это была Лора.

– Дорогой, – сказала она, – все получилось как нельзя лучше. Портье достал мне билет на чартерный рейс, самолет вылетает из Венеции меньше чем через час. Специальный катер минут через десять прямо от Сан-Марко. Какой-то пассажир отказался от билета. Меньше чем через четыре часа я буду в Гатвике¹⁰.

– Сейчас я спущусь, – сказал он ей.

Он застал ее у конторки портье. Она уже не выглядела такой встревоженной и была полна решимости. Джон по-прежнему предпочел бы уехать вместе с ней. Ему было нестерпимо тяжело оставаться одному в Венеции, к тому же сама мысль о том, что предстоит доехать на машине до Милана, провести там безотрадную ночь в гостинице, весь следующий день слоняться по городу, а всю следующую ночь трястись в вагоне поезда, наводила на него тоску, – не говоря уже о беспокойстве за Джонни. Они пошли к причалу у Сан-Марко. Моло сверкал после дождя, дул легкий бриз, почтовые открытки, шарфы и прочие туристские сувениры покачивались над прилавками киосков, но туристы прогуливались, как всегда, с довольным видом, уверенные, что впереди их ждет счастливый день.

– Я позвоню тебе завтра вечером из Милана, – сказал он ей. – Думаю, Хиллы пустят тебя переночевать. А если ты будешь в это время в больнице, то сообщат мне последние новости. Это, наверно, и есть твоя чартерная группа. Добро пожаловать к ним!

Пассажиры, спускавшиеся с причала в ожидающий катер, несли ручной багаж, помеченный бирками с британским флагом. Группа состояла в основном из пожилых людей, и похоже, возглавляли ее два методистских священника. Один из них подошел к Лоре, протянул ей руку и, улыбнувшись, обнажил два сияющих ряда вставных зубов.

– Наверное, вы и есть та дама, которая присоединяется к нам, чтобы вернуться домой, – сказал он. – Добро пожаловать на борт и в наш братский союз. Все мы очень рады с вами познакомиться. Сожалею, что не нашлось места и для вашего муженька.

Лора быстро повернулась и поцеловала Джона, дрожащие уголки ее губ выдавали сдерживаемый смех.

– Думаешь, они затянут гимн? – шепотом сказала она. – Будь осторожен, муженек. Завтра позвони мне.

Капитан дал странный отрывистый гудок, и через мгновение Лора уже стояла в толпе пассажиров и махала рукой. Ее красный плащ веселой заплатой выделялся на фоне более спокойных одежд ее спутников. Катер дал еще один гудок и отвалил от причала, а Джон смотрел, как он отплывает, и сердце ему сжало ощущение огромной утраты. Потом он отвернулся и пошел обратно в отель, яркий день опустел и погас для него.

Нет ничего более грустного, подумал он, оглядывая гостиничный номер, чем пустая комната, особенно когда еще заметны следы недавнего в ней пребывания. На кровати чемоданы Лоры и еще один плащ, который она не взяла с собой. На туалетном столике следы пудры. Брошенный в корзину обрывок бумажной салфетки, испачканный губной помадой. Старый тюбик засохшей зубной пасты на стеклянной полке над раковиной. В открытое окно доносился непрерывный шум движения по Большому каналу, но Лоры уже нет здесь – она больше не слышит его, не посмотрит вниз с маленького балкона. Ушло удовольствие. Ушло чувство.

Джон закончил укладывать вещи и спустился оплатить счет. Портье принимал вновь прибывших постояльцев. На террасе, с которой открывался вид на канал, сидели люди с проспектами в руках, строя планы, как наиболее приятно провести день.

---

¹⁰ Один из лондонских аэропортов.

Джон решил, что закусит перед дорогой прямо здесь, на террасе, в знакомой обстановке, потом распорядится, чтобы носильщик отнес его багаж на один из паромов, которые ходят между Сан-Марко и Порта Рома, где в гараже стояла его машина. Со вчерашнего неудачного ужина у него было пусто в желудке, и, когда около полудня к нему подкатили тележку с закусками, он жадно на них набросился. Однако даже здесь были перемены. Старший официант, их добрый знакомый, работал в другую смену, а столик, за которым они обычно сидели, заняли новые постояльцы – молодожены, проводящие здесь медовый месяц. Везет же людям, ворчливо заметил он про себя, глянув на их счастливые лица, пока его вели к столику на одного в дальнем углу, за кадкой с цветами.

Сейчас она в воздухе, подумал Джон, она уже в пути, и попытался представить себе, как Лора сидит между двумя методистскими священниками и, вне всякого сомнения, рассказывает им о Джонни – о том, что он в больнице, и бог весть о чем еще. Ну что же, сестры-близнецы могут теперь вкушать мир и покой. Их желания исполнились.

Закончив ланч, не имело смысла задерживаться на террасе за чашкой кофе. Он хотел как можно скорее уехать, взять машину и двигаться к Милану. Он простился с управляющим и портье и в сопровождении носильщика вновь направился к причалу на площади Сан-Марко. Когда он ступил на *varopetto*¹¹, где вокруг него шумела и толкалась толпа пассажиров, и кое-как нашел место для себя и груды своего багажа, его на какое-то мгновение пронзила острая боль от расставания с Венецией. Когда еще, подумал он, они вновь приедут сюда, да и приедут ли... Через год... через три... Первые мимолетные, обрывочные впечатления во время их медового месяца почти десять лет назад, второй визит *en passant*¹², перед круизом, и наконец эти скомканные десять дней, оборвавшиеся так внезапно.

Вода сверкала на солнце, здания сияли, туристы в темных очках с важным видом ходили по быстро удаляющемуся Моло; с того места, где сейчас паром пенит воды Большого канала, уже не видна была терраса их отеля. Сколько впечатлений надо увезти с собой и сохранить в памяти: знакомые, уже любимые фасады, балконы, окна, вода, плещущаяся о ступени подвалов ветшающих дворцов, маленький красный домик с садом, где жил Д'Аннунцио¹³, – наш дом, называла его Лора, представляя себе, будто дом действительно их, – и уже скоро, досадно скоро *varopetto* повернет налево и прямым ходом двинется к Пьяццале Рома¹⁴, пропустив лучшую часть канала, Риальто¹⁵, дальние дворцы...

Им навстречу вниз по течению шел другой *varopetto*, переполненный пассажирами, и на мгновение у него мелькнула глупая мысль, что хорошо бы поменяться с ними местами, вновь оказаться среди веселых, счастливых туристов, направляющихся в Венецию, ко всему тому, что осталось у него за спиной... И тут он увидел ее, Лору, в красном плаще! С ней рядом – сестры-близнецы: деятельная сестра, держа Лору за локоть, что-то ей говорит, словно увещевает, а сама Лора с развевающимися на ветру волосами жестикулирует, и лицо ее искажено страданием. Он смотрел во все глаза, застыв от изумления, – изумление его было столь велико, что он не мог ни крикнуть, ни махнуть рукой, да они бы и не услышали, *varopetti* уже разошлись и двигались противоположными курсами.

Что, черт возьми, происходит? Должно быть, чартерный рейс задержали и самолет не взлетел, но почему в таком случае Лора не позвонила ему в отель? И что там делают эти проклятые сестры? Неужели она столкнулась с ними в аэропорту? Странное совпадение – а если не просто совпадение? И чем она так взволнована? Он не мог придумать никакого объясне-

¹¹ Речной трамвай (*ит.*).

¹² Проездом (*фр.*).

¹³ Габриэле Д'Аннунцио (1863–1938) – итальянский писатель, поэт и драматург; часто бывал и подолгу жил в Венеции.

¹⁴ Большая площадь при въезде в Венецию с материка; находится у самого начала Большого канала, недалеко от железнодорожного вокзала, – единственное место в Венеции, где существует наземный транспорт.

¹⁵ Мост Риальто через Большой канал – самый известный и древний мост в Венеции, один из символов города.

ния. Возможно, рейс отменили и Лора поехала прямо в отель, рассчитывая застать его там и вместе с ним отправиться на машине в Милан, а завтра вечером сесть в поезд. Ему оставалось одно – как только паром причалит у Пьяццале Рома, позвонить в отель, сказать ей, чтобы она спокойно его ждала, – он вернется и заберет ее. А что до этих проклятых сестер, то пропади они пропадом!..

Когда vaporetto подошел к причалу, началась обычная сутолока. Ему пришлось искать носильщика, чтобы забрать багаж, затем терять драгоценное время в поисках телефона. Возня с мелочью, поиск нужного номера отняли еще несколько мгновений. Наконец ему удалось дозвониться, и знакомый портье, к счастью, еще был на месте.

– Послушайте, вышла полнейшая неразбериха, – начал он и объяснил, что Лора в это самое время возвращается в отель – он видел ее с двумя приятельницами на vaporetto. Не попросит ли портье, чтобы она его дождалась? Он вернется на ближайшем пароме и заберет ее. – Так или иначе, задержите ее, – сказал он. – Я постараюсь вернуться как можно скорее.

Портье все прекрасно понял, и Джон повесил трубку.

Слава богу, Лора не появилась в отеле прежде, чем он сумел туда дозвониться, иначе ей тотчас сказали бы, что он уже на пути в Милан. Носильщик по-прежнему ждал с багажом, и самым простым представлялось дойти с ним до гаража, передать вещи малому, который там распоряжается, и попросить его подержать все у себя примерно с час, пока он не вернется с женой и не заберет свою машину. Потом он снова пошел к причалу и стал дожидаться следующего парома в Венецию. Минуты тянулись мучительно медленно, и все это время он изводил себя вопросом – что же стряслось в аэропорту и почему, ради всего святого, Лора не позвонила ему. Что толку строить догадки. В отеле она ему все расскажет. Одно он знал совершенно определенно: он не позволит сестрам вертеть ими и впутывать их в свои делишки. Он так и слышал, как Лора говорит ему, что старушки тоже пропустили рейс и надо бы подвезти их до Милана.

Наконец vaporetto, вспенивая воду, подошел к причалу, и он поднялся на борт. Какая скука плыть в обратном направлении, мимо тех самых знакомых достопримечательностей, которым он совсем недавно сказал ностальгическое последнее прости! На этот раз он даже не смотрел на них, он был поглощен одной мыслью – поскорее добраться до места. На Сан-Марко народу было много как никогда, в толпе люди двигались плечом к плечу, и каждый пребывал в состоянии приятного возбуждения.

Проходя через вращающиеся двери отеля, он ожидал увидеть Лору, а возможно, и сестер в холле слева от входа. Жены там не было. Он направился к конторке. Портье, с которым он говорил по телефону, беседовал с управляющим.

– Моя жена приехала? – спросил Джон.

– Нет, сэр, еще нет.

– Как странно. Вы уверены?

– Абсолютно уверен, сэр. Я не отходил отсюда с тех самых пор, как вы позвонили мне без четверти два. Я все время был на месте.

– Ничего не понимаю. Она была на vaporetto, когда он проходил мимо Академии. Минут через пять она должна была сойти на Сан-Марко и прийти сюда.

– Не знаю, что и сказать. Вы говорили, синьора была с друзьями?

Вид у портье был совершенно невозмутимый.

– Да, точнее, со знакомыми. С двумя дамами, которых мы встретили вчера на Торчелло. Я очень удивился, увидев ее с ними на vaporetto, и предположил, что рейс отменили, они случайно столкнулись в аэропорту и она решила вернуться вместе с ними, рассчитывая застать меня, пока я не уехал.

Дьявольщина, где же Лора? Что она делает? Уже четвертый час. От Сан-Марко до отеля минута ходьбы.

– Может быть, синьора пошла со своими друзьями в их гостиницу? Вы знаете, где они остановились?

– Нет, – сказал Джон, – не имею ни малейшего представления. Более того, я не знаю даже имен этих двух дам. Они сестры, близнецы, похожи как две капли воды. Но зачем же идти в их гостиницу, а не сюда?

Вращающаяся дверь закрутилась, но это была не Лора. Какие-то два постояльца.

В разговор вмешался управляющий.

– Вот что я предлагаю, – сказал он. – Давайте я позвоню в аэропорт и выясню относительно рейса. Тогда, по крайней мере, нам хоть что-то будет известно. – Он виновато улыбнулся. Такие накладки – большая редкость, обычно у клиентов нет повода для беспокойства.

– Да, позвоните, – сказал Джон. – Выясним, что там случилось.

Он закурил сигарету и стал мерить шагами холл. Что за чертовщина. И как непохоже на Лору, ведь она знала, что сразу после ланча он выезжает в Милан, – вернее, она могла предполагать, что он уедет еще до ланча. Но в таком случае, прибыв в аэропорт и узнав, что рейс отменен, она наверняка первым делом ему бы позвонила.

Управляющий целую вечность куда-то дозванивался, потом ждал, когда его переключат на другую линию, к тому же он так быстро говорил по-итальянски, что Джон не мог следить за разговором. Наконец он положил трубку.

– Все стало еще более таинственным, чем прежде, сэр. Чартерный рейс никуда не переносили, самолет взлетел по расписанию с полным комплектом пассажиров. По всей видимости, не было никаких задержек и сбоев. Должно быть, синьора просто передумала. – Его улыбка стала еще более виноватой.

– Передумала, – машинально повторил Джон. – Но почему, черт побери? Она так рвалась быть дома сегодня вечером.

Управляющий пожал плечами:

– Вы же знаете женщин, сэр. Ваша жена могла вдруг решить, что, в конце концов, ей лучше сесть вместе с вами на поезд в Милане. Хотя, уверяю вас, в этой чартерной группе публика чрезвычайно респектабельная, а «Каравеллы» – совершенно безопасные самолеты.

– Да-да, – нетерпеливо сказал Джон. – Вы все сделали правильно, я вас несколько не виню. Просто я не могу понять, что заставило ее передумать, разве только встреча с теми двумя дамами.

Управляющий промолчал. Он не знал, что сказать. Портье тоже проявлял сочувственную озабоченность.

– Возможно, – отважился он, – вы обознались и на vaporetto видели вовсе не синьору?

– Да нет, – ответил Джон, – я не мог обознаться. Она была в красном плаще и без шляпы – точно в таком виде, как вышла отсюда. Я видел ее так же ясно, как вижу вас. Готов поклясться перед судом.

– К несчастью, – сказал управляющий, – мы не знаем имен тех двух дам, не знаем, в каком отеле они останавливались. Вы говорите, что встречались с ними вчера на Торчелло?

– Да... но лишь мельком. И гостиница их не там. Это я по крайней мере знаю наверняка. Вышло так, что позднее мы встретили их за ужином в Венеции.

– Прошу прощения...

К портье подошли зарегистрироваться вновь прибывшие постояльцы, и ему пришлось заняться ими. Джон в отчаянии повернулся к управляющему:

– Как вы думаете, может быть, имеет смысл позвонить в отель на Торчелло – вдруг там кто-нибудь знает имена этих дам или где они останавливались в Венеции?

– Можно попробовать, – ответил управляющий. – Надежды мало, но давайте попробуем.

Джон вновь принялся вышагивать по холлу, не спуская глаз с вращающейся двери, молясь и надеясь, что сейчас мелькнет знакомый красный плащ и Лора войдет в отель.

Вновь последовали нескончаемые телефонные переговоры управляющего с кем-то из служащих отеля на Торчелло.

– Скажите им, две сестры, – напомнил Джон, – две пожилые дамы, одетые в серое, очень похожие. Одна из них слепая, – добавил он.

Управляющий кивнул. Было понятно, что он дает подробное описание. И все же, положив трубку, он покачал головой.

– Управляющий на Торчелло говорит, что хорошо помнит этих дам, – сказал он Джону, – но они заходили к ним только на ланч. Их имена ему неизвестны.

– Ну, раз так, остается только ждать.

Джон закурил третью сигарету, вышел на террасу и начал расхаживать по ней взад-вперед. Он смотрел на противоположный берег канала, впиваясь взглядом в лица людей на проходящих пароводиках, в моторных лодках и даже в гондолах. Под мерное тиканье часов минута проходила за минутой, но по-прежнему никаких признаков Лоры. Его томило ужасное предчувствие – что все это было заранее условлено, что Лора вовсе не собиралась лететь домой, что накануне вечером, в ресторане, она договорилась с сестрами о встрече. О боже, подумал он, я становлюсь параноиком... И все же, почему, почему? Нет, скорее всего, встреча в аэропорту была случайной и, выдумав какую-то невероятную причину, они убедили Лору не садиться в самолет, попросту не дали ей сделать это, щегольнув одним из своих спиритических видений, – самолет-де потерпит крушение и ей надо вернуться с ними в Венецию. И Лора, с ее впечатлительностью, сразу поверила им, все приняла за чистую монету.

Но даже если допустить, что все так и было, почему она не пришла в отель? Что она сейчас делает? Четыре часа, половина пятого, солнце уже не играет на воде. Он вернулся к конторке портье.

– Я больше не могу слоняться без дела, – сказал он. – Даже если она и объявится, сегодня вечером мы уже не доберемся до Милана. Я, может быть, увижу ее с этими дамами на площади Сан-Марко, да где угодно. Если она придет, пока меня не будет, вы ведь ей все объясните?

– Конечно, конечно, – в голосе портье звучало сочувствие. – Я понимаю, сэр, вас это очень тревожит. Не благоразумнее ли вам остановиться на ночь здесь, в отеле?

Джон безнадежно махнул рукой:

– Возможно, да, не знаю. Наверно...

Он вышел через вращающуюся дверь и медленно пошел к площади Сан-Марко. Он заглядывал в каждый магазинчик под аркадами, раз пятнадцать переходил через площадь, пробирался между столиками, расставленными перед «Флорианом» и перед «Квадри»¹⁶, зная, что красный плащ Лоры и характерная внешность сестер-близнецов даже в этой бурлящей толпе сразу привлекут его внимание, – но их нигде не было. На Мерчерии¹⁷ он смешался с толпой покупателей и шел плечом к плечу с праздношатающимися любителями поглазеть на витрины, уличными торговцами, назойливо предлагающими туристам свой товар, инстинктивно понимая, что здесь их не будет. Ради этого Лора не стала бы пропускать самолет и возвращаться в Венецию. Но если бы и поступила так по какой-то недоступной его воображению причине, она обязательно зашла бы сперва в отель, чтобы найти его.

Ему оставалось одно – попробовать напасть на след сестер. Их отель мог быть где угодно среди сотен отелей и пансионатов, разбросанных по Венеции или даже на другой стороне лагуны, на Дзаттере¹⁸ или еще дальше – на Джудекке¹⁹. Последнее было маловероятно. Ско-

---

¹⁶ Названия двух знаменитых кафе, расположенных друг против друга под аркадами здания Новых Прокуратур на площади Сан-Марко в Венеции; оба существуют с XVIII в.; оркестры обоих кафе пребывают в состоянии шутиливой конкуренции.

¹⁷ Узкая, извилистая улица, которая ведет от площади Сан-Марко к мосту Риальто; главная торговая улица Венеции.

¹⁸ Набережная канала Джудекка, своеобразная граница центральной (хотя это понятие весьма условно) части Венеции; место, более доступное для не очень состоятельных туристов.

¹⁹ Джудекка – восемь соединенных друг с другом островков Венецианской лагуны; южная, окраинная часть Венеции,

рее всего, они остановились где-нибудь неподалеку от Сан-Дзаккариа, от ресторана, в котором ужинали вчера вечером. Слепая вряд ли стала бы ходить далеко по вечерам. Как глупо, что он не подумал об этом раньше; и он повернул назад и быстро пошел от ярко освещенного торгового района в направлении более тесного, с узкими улочками квартала, где они ужинали накануне. Он без труда отыскал ресторан, но его еще не открыли для ужина и накрывавший столики официант оказался не тем, который их обслуживал. Джон спросил, не может ли он поговорить с *patrone*²⁰, официант скрылся в задних помещениях и через пару мгновений вернулся с довольно растрепанным владельцем, который, будучи застигнут в минуты отдыха, явился в рубашке с закатанными рукавами, а не при полном *tenue*²¹.

– Я был у вас вчера вечером, – объяснил Джон. – Вон за тем столиком в углу сидели две дамы. – Он показал рукой на столик.

– Вы желаете заказать этот столик на вечер? – спросил владелец ресторана.

– Нет, – сказал Джон. – Нет, вчера вечером вон там сидели две дамы, две сестры, *due sorelle*²², близнецы, *gemelle*²³. – По-итальянски это ведь и есть «близнецы»? – Вы помните? Две дамы, *sorelle, vecchie*...²⁴

– Ах, – сказал мужчина, – *si, si, signore, la povera signorina*²⁵. – Он приложил руки к глазам, изображая слепоту. – Да, я помню.

– Вы не знаете, как их зовут? – спросил Джон. – Где они остановились? Мне очень надо их разыскать.

Владелец ресторана в знак сожаления развел руками:

– Мне очень жаль, синьор, я не знаю, как зовут этих синьорин, они приходили сюда обедать только один, может быть, два раза, они не говорили, где остановились. Возможно, если вы придете снова вечером, они будут здесь? Вы не желаете заказать столик?

Он обвел зал рукой, как бы предлагая на выбор любой столик, но Джон покачал головой.

– Нет, благодарю вас. Я пока не знаю, где буду ужинать. Извините за беспокойство. Если синьорины все-таки придут... – Он помедлил. – Возможно, я вернусь позже, – добавил он. – Я не уверен.

Владелец ресторана поклонился и проводил его к выходу.

– В Венеции встречаются люди со всего света, – сказал он улыбаясь. – Вполне возможно, что синьор сегодня вечером найдет своих друзей. *Arrivederci, signore*²⁶.

Друзей? Джон вышел на улицу. Скорее похитительниц людей. Беспокойство перешло в страх, в панику. Случилась какая-то страшная беда. Эти женщины обрели власть над Лорой, сыграли на ее внушаемости, склонили пойти с ними в их отель или куда-нибудь еще. Может быть, имеет смысл разыскать консульство? Где оно находится? Что ему там сказать? Он бесцельно двинулся вперед и оказался, как это случилось с ними прошлым вечером, на совершенно незнакомых улицах и вдруг подошел к высокому зданию со словом «*Questura*»²⁷ над крышей. Вот то, что мне нужно, подумал он. Я войду, и будь что будет. Внутри сновали полицейские в форме, по крайней мере здесь не сидели без дела, и, обратившись к одному из них, стоявшему за стеклянной перегородкой, он спросил, говорит ли здесь кто-нибудь по-английски. Полицейский показал на лестницу. Джон поднялся по ней и, войдя в правую дверь, увидел

которую отделяет от города канал с тем же названием.

²⁰ Хозяин (*ит.*).

²¹ Костюм (*фр.*).

²² Две сестры (*ит.*).

²³ Близнецы (*ит.*).

²⁴ Сестры, старые (*ит.*).

²⁵ Да, да, синьор, бедная синьорина (*ит.*).

²⁶ До свидания, синьор (*ит.*).

²⁷ Полиция (*ит.*).

сидящую пару, в которой с облегчением признал своих соотечественников, туристов, очевидно мужа и жену, попавших в затруднительное положение.

– Входите, садитесь, – сказал мужчина. – Мы ждем уже целых полчаса, а им и дела нет. Что за страна! Дома все было бы иначе.

Джон взял предложенную ему сигарету и сел рядом с ними.

– Что с вами стряслось?

– У моей жены стащили сумку в магазине на Мерчерии, – сказал мужчина. – Она на секунду поставила ее, чтобы на что-то взглянуть, и просто не верится – сумки тут же как не было. Я говорю, что это уличный воришка, а она утверждает, что девушка за прилавком. Эти итальяшки все одним миром мазаны. Как бы то ни было, я уверен, что назад мы ее не получим. А у вас что пропало?

– Чемодан, – поспешно ответил Джон. – А в нем важные бумаги.

Не мог же он сказать, что у него пропала жена? У него бы язык не повернулся...

Мужчина сочувственно кивнул:

– Я же говорю, все итальяшки одним миром мазаны. Старик Муссо²⁸ знал, как с ними обращаться. Нынче кругом слишком много коммунистов. Беда в том, что им тут не до нас с нашими неприятностями, сейчас все заняты этим убийцей. Все брошены на его поиски.

– Убийцей? Каким убийцей? – спросил Джон.

– Не может быть, что вы ничего не слышали! – Мужчина с нескрываемым удивлением уставился на Джона. – Вся Венеция ни о чем другом не говорит. Это было во всех газетах, по радио, даже в английских газетах. Жуткое дело. Одну женщину на прошлой неделе нашли с перерезанным горлом – тоже туристку, а сегодня утром обнаружили какого-то старого бедолагу с такой же ножевой раной. Похоже, что это просто маньяк – для убийства нет никаких видимых причин. Досадно, что такое происходит в Венеции именно в туристический сезон.

– Во время отдыха мы с женой никогда не читаем газет.

– Очень мудро с вашей стороны, – мужчина рассмеялся, – это испортило бы вам настроение, особенно если у вашей жены слабые нервы. Ну да ладно, как бы то ни было, завтра мы уезжаем. Не скажу, чтобы нам этого не хотелось, верно, дорогая? – Он обернулся к жене. – Венеция стала гораздо хуже с тех пор, как мы были здесь последний раз. А кража сумки так и вообще последняя капля, куда уж дальше.

Дверь в кабинет открылась, и старший офицер полиции попросил собеседника Джона и его жену войти.

– Держу пари, мы ничего не добьемся, – прошептал турист, подмигнув Джону, и вместе с женой вошел в кабинет.

Дверь за ними закрылась. Джон погасил сигарету и закурил другую. Им овладело странное чувство нереальности. Что он здесь делает, какой в этом смысл? Лоры уже нет в Венеции, она исчезла, возможно навсегда, с этими дьявольскими сестрами. Ее след никогда не отыщется. И подобно тому, как они вдвоем придумали фантастическую историю про близнецов, когда впервые увидели их на Торчелло, вымысел с устрашающей логичностью обретал основание в реальном факте: эти женщины – переодетые мошенники, преступники, которые увлекают доверчивых и простодушных, обрекают их на страшную участь. Возможно, они и есть те самые убийцы, которых разыскивает полиция. Кто заподозрит двух пожилых, респектабельного вида женщин, живущих в каком-нибудь второразрядном пансионате или отеле? Он, не докурив, затушил сигарету.

Да, подумал он, так и начинается паранойя. Так люди и сходят с ума. Он бросил взгляд на часы. Половина седьмого. Лучше отказаться от заведомо бесполезных попыток найти ответ в полицейском управлении и сделать то единственное, что подсказывает здравый смысл. Вер-

---

²⁸ Имеется в виду Бенито Муссолини (1883–1943) – фашистский диктатор Италии с 1922 по 1943 г.

нуться в отель, позвонить в школу в Англии и узнать последние новости о Джонни. Он ни разу не вспомнил про бедного Джонни, с тех пор как увидел Лору на vaporetto.

Слишком поздно. Дверь кабинета открылась, и оттуда вышла супружеская пара.

– Обычная дешевая трескотня, – вполголоса сказал Джону муж. – Они сделают все, что смогут. Надежды мало. В Венеции так много иностранцев, и все они воры! Все местные безупречны. Им просто невыгодно обворовывать гостей. Ну, желаю, чтобы вам повезло больше.

Он кивнул, его жена улыбнулась, слегка поклонилась, и они ушли. Джон проследовал за полицейским офицером в кабинет.

Начались обычные формальности. Имя, адрес, паспорт. Длительность пребывания в Венеции и прочее, и прочее. Затем пошли вопросы, и Джон, чувствуя, как лоб его покрывается испариной, пустился в бесконечное повествование. Первая случайная встреча с сестрами, встреча в ресторане, внушаемость Лоры в связи со смертью их ребенка, телеграмма о болезни Джонни, решение вылететь charterным рейсом, ее отъезд и внезапное необъяснимое возвращение. Когда он закончил, то чувствовал себя таким изможденным, как если бы после приступа лихорадки проехал на машине несколько сотен миль без остановки. Опрашивавший его полицейский говорил на отличном английском с сильным итальянским акцентом.

– Вы говорите, – начал он, – ваша жена еще не вполне оправилась от потрясения. Это как-нибудь проявлялось во время вашего пребывания здесь, в Венеции?

– В общем, да, – ответил Джон, – у нее ведь действительно был серьезный срыв. Отдых, казалось, не шел ей на пользу. Ее настроение изменилось лишь вчера, когда мы встретили на Торчелло этих двух женщин. Напряжение как будто прошло. Полагаю, она была готова ухватиться за любую соломинку, и вера в то, что наша малышка беспокоится о ней, вроде бы вернула ее в нормальное состояние.

– Это вполне естественно в таких обстоятельствах, – сказал полицейский. – Но, конечно, телеграмма стала новым ударом для вас обоих?

– Да, вы правы. Поэтому мы и решили вернуться домой.

– Никаких споров по этому поводу? Расхождений во мнениях?

– Никаких. Полное единодушие. Я жалел только о том, что не могу лететь вместе с женой charterным рейсом.

Полицейский кивнул.

– Вполне могло случиться так, что ваша жена внезапно потеряла память, и тогда встреча с этими двумя дамами могла быть воспринята ею как единственная связующая нить, и она кинулась к ним за поддержкой. Вы очень точно их описали, и я думаю, их нетрудно будет разыскать. А пока я советую вам возвратиться в отель. Мы свяжемся с вами, как только у нас появятся какие-нибудь новости.

По крайней мере, подумал Джон, в полиции поверили его рассказу. Не приняли его за чудака, который выдумал всю эту историю и понапрасну отнимает у них время.

– Вы понимаете, – сказал он, – я очень беспокоюсь. Что если у этих женщин какие-то преступные намерения в отношении моей жены? О каких только случаях не рассказывают...

В первый раз с начала их разговора полицейский улыбнулся.

– Прошу вас, не волнуйтесь, – сказал он. – Я уверен, что все объяснится.

Хорошо бы, подумал Джон, но, ради всего святого, – как?

– Извините, – сказал он, – что я отнял у вас столько времени. Тем более, насколько мне известно, у полиции дел хоть отбавляй в связи с поисками убийцы, который все еще разгуливает на свободе.

Он сказал это намеренно. Нелишне дать понять этому малому, что между исчезновением Лоры и последними жуткими событиями может существовать прямая связь.

– Ах это, – сказал полицейский, поднимаясь из-за стола. – Мы надеемся, что в ближайшее время убийца будет сидеть под замком.

Его голос звучал уверенно и твердо. Убийцы, пропавшие жены, украденные сумки – у них все под контролем. Они пожали друг другу руки, и Джона проводили за дверь и далее вниз по лестнице. Возможно, размышлял он, возвращаясь в отель, полицейский прав. У Лоры случился внезапный приступ амнезии, и оказавшиеся в аэропорту сестры привезли ее обратно в Венецию, и поскольку Лора не могла вспомнить, где они остановились, доставили в свою гостиницу. Возможно, они и сейчас пытаются разыскать его отель. Во всяком случае, больше он ничего не мог сделать. Полиция все держит под наблюдением, и дай-то бог все устроится. Теперь же ему хотелось одного – повалиться на кровать со стаканом виски, а потом позвонить в школу Джонни.

Мальчик-рассыльный поднял его на лифте в скромный номер на пятом этаже в задней части отеля. Голый, безликий, с закрытыми ставнями и запахом кухни, доносившимся снизу, со двора...

– Попроси принести мне двойной виски, – сказал Джон, – и имбирный эль.

Оставшись один, он подставил лицо под холодную струю в раковине и порадовался, обнаружив крошечный кусочек бесплатного мыла – пустяк, но все-таки признак относительного комфорта. Он скинул туфли, повесил пиджак на спинку стула и бросился на кровать. Где-то громко играло радио – старая популярная песня, вот уже несколько лет как вышедшая из моды; года два назад Лоре она очень нравилась. «Я люблю тебя, крошка...» Они записали ее на магнитофон и часто проигрывали в машине. Он дотянулся до телефона и попросил соединить его с Англией. Затем закрыл глаза, а настойчивый голос упорно повторял: «Я люблю тебя, крошка... я не смогу тебя забыть».

Вскоре в дверь постучали. Это был официант с заказанными напитками. Маловато льда. Какое ничтожно слабое утешение, но как оно необходимо! Виски он выпил залпом, не разбавляя, и через несколько мгновений неотвязная боль утихла, притупилась и ее сменило, пусть ненадолго, ощущение покоя. Зазвонил телефон. Теперь, подумал он, собираясь с силами перед окончательной катастрофой, последний удар, Джонни умирает или уже умер. Тогда все кончено. Да погребет Венецию пучина вод...

На коммутаторе сказали, что его соединили, и через секунду с другого конца провода он услышал голос миссис Хилл. Она сразу узнала, кто говорит, должно быть, ее предупредили, что звонят из Венеции.

– Алло! – крикнула она. – Ах, я так рада, что вы позвонили! Все хорошо. Джонни оперировали, хирург решил не ждать и сделал операцию днем, она прошла очень успешно. Скоро Джонни окончательно поправится. Вам больше не о чем тревожиться, он проведет ночь спокойно.

– Слава богу, – ответил он.

– О да, – сказала она. – Мы все вздохнули с облегчением. А сейчас я передаю трубку вашей жене.

Джон сел на кровати, его словно оглушили. Что она имеет в виду, черт возьми? Затем он услышал голос Лоры, ясный, чистый:

– Дорогой! Дорогой, ты слышишь?

Он не мог ответить. Он почувствовал, как рука, в которой он держит трубку, холодеет и покрывается липким потом.

– Я слышу, – прошептал он.

– Не очень хорошая связь, – сказала она, – ну да ладно. Как сказала тебе миссис Хилл, все хорошо. В отделении Джонни такой прекрасный хирург, такая милая медсестра, и я просто счастлива, что все так устроилось. Из Гатвика я приехала прямо сюда – между прочим, полет прошел отлично, но что за странное сборище! Когда я расскажу тебе про них, с тобой случится истерика... Потом поехала в больницу, Джонни только отходил после наркоза. Конечно, он был вялый, полусонный, но так мне обрадовался! А Хиллы так чудесно меня приняли, отвели

мне гостевую комнату, и от них рукой подать до города и больницы. Сейчас поужинаем, и я сразу пойду спать, после полета и всех этих волнений меня просто качает. Как ты добрался до Милана? Где остановился?

Отвечая, Джон не узнал собственный голос. Он больше походил на голос какого-то механического устройства.

– Я не в Милане, – сказал он. – Я все еще в Венеции.

– Все еще в Венеции? Но почему? Машина не завелась?

– Я не могу объяснить, – сказал он. – Произошла какая-то путаница...

Его вдруг охватила такая усталость, что он чуть не уронил трубку, и, к своему стыду, почувствовал, как в глазах закипают слезы.

– Какая путаница? – В ее голосе теперь звучало подозрение, почти враждебность. – Ты не попал в аварию?

– Нет... нет... ничего такого.

Непродолжительное молчание, затем она сказала:

– У тебя как будто язык заплетается. Только не говори мне, что ты надрался.

О господи... если бы она только знала! Он чувствовал, что у него в любую минуту может отключиться сознание, но не из-за виски.

– Я думал, – медленно проговорил он, – я думал, что видел тебя на vaporetto с теми двумя сестрами.

Какой смысл продолжать? Объяснять бесполезно.

– Как ты мог видеть меня с сестрами? – сказала она. – Ты же знал, что я поехала в аэропорт. Нет, мой милый, ты просто идиот. Дались тебе эти несчастные старушки! Надеюсь, миссис Хилл ты ничего такого не сказал?

– Нет.

– Так что ты намерен делать? Ты сядешь завтра в Милане на поезд?

– Да, конечно.

– Я все же не понимаю, почему ты застрял в Венеции, – сказала она. – Все это кажется мне довольно странным. Но главное – с Джонни все будет в порядке, и я здесь.

– Да, – сказал он, – да.

Он расслышал отдаленный звук гонга, прозвучавшего в холле директора школы.

– Тебе пора идти, – сказал он. – Мой привет Хиллам и поцелуй Джонни.

– Хорошо, береги себя, дорогой, бога ради, не опоздай завтра на поезд и машину води осторожно.

В трубке щелкнуло, и ее голос пропал. Он вылил в пустой стакан капли оставшегося виски, смешал их с имбирным элем и залпом выпил. Потом встал, подошел к окну, распахнул ставни и высунулся наружу. Голова у него слегка кружилась. Камень упал с его души, но облегчение, огромное, невыразимое, странным образом смешивалось с ощущением нереальности, словно голос, говоривший из Англии, был не голосом Лоры, а мистификацией, сама же Лора все еще в Венеции, в каком-нибудь потаенном пансионате с двумя сестрами.

Суть в том, что он *видел* всех троих на vaporetto. В красном плаще была Лора, не какая-то другая женщина. И рядом с Лорой были сестры. Так чем же это объяснить? Тем, что он сходит с ума? Или чем-то еще более зловещим? Когда их vaporetti поравнялись, сестры, обладающие огромной силой внушения, увидели его и каким-то необъяснимым образом заставили поверить, что Лора стоит рядом с ними? Но зачем, с какой целью? Нет, это совершенная бессмыслица. Есть лишь одно объяснение – он ошибся, у него была галлюцинация. И значит, ему необходим психоаналитик, как Джонни был необходим хирург.

А что ему делать сейчас? Спуститься вниз и сообщить администрации отеля, что он ошибся, что его жена благополучно прибыла в Англию чартерным рейсом и он только что разговаривал с ней по телефону? Он надел туфли и пригладил рукой волосы. Посмотрел на часы.

Было без десяти восемь. Если заглянуть в бар и немного выпить, будет проще посмотреть в лицо управляющему и рассказать ему о случившемся. Затем они, возможно, свяжутся с полицией. Россыпи извинений за то, что всем причинили столько хлопот.

Он спустился на первый этаж и сразу пошел в бар. Ему было неловко, так и казалось, что все будут смотреть на него и думать: «Вот малый, у которого пропала жена». К счастью, в баре было многолюдно, и он не увидел ни одного знакомого лица. Даже за стойкой стоял помощник бармена, который раньше никогда его не обслуживал. Он выпил виски и через плечо бросил взгляд в сторону холла. За конторкой никого не было, но это ненадолго. В дверном проеме, ведущем во внутреннюю комнату, он видел спину управляющего, который с кем-то разговаривал. Повинуясь внезапному порыву, он, как трус, быстро пересек холл и через вращающуюся дверь вышел на улицу.

Я поужинаю, решил он, а потом вернусь и объяснюсь с ними. На сытый желудок это будет проще.

Он пошел в ближайший ресторан, где они с Лорой пару раз ужинали. Она жива, она в безопасности, остальное не важно. Кошмар остался позади. Теперь он мог даже в одиночку наслаждаться едой, зная, что она спокойно проведет вечер в тоскливой компании супругов Хилл, рано ляжет спать, а завтра утром поедет в больницу сидеть с Джонни. Джонни тоже ничто не угрожает. Не о чем больше беспокоиться, вот только неловкие объяснения и извинения перед управляющим отелем.

Как приятно было сидеть одному за угловым столиком маленького ресторана, заказав *vitello alla Marsala*²⁹ и кувшинчик мерло. Он не спеша наслаждался едой, но все было в тумане, ощущение нереальности не покидало его, а разговор ближайших соседей навевал такой же умиротворяющий покой, как отдаленные звуки музыки.

Когда все они встали и разошлись, он увидел, что часы на стене показывают почти половину десятого. Нельзя больше откладывать и тянуть время. Он допил кофе, закурил сигарету и расплатился по счету. В конце концов, думал он, возвращаясь в отель, управляющий только обрадуется, услышав, что все в порядке.

Войдя через вращающуюся дверь, он сразу увидел человека в полицейской форме, который стоя разговаривал с управляющим. Портье тоже был там. Когда Джон подошел ближе, они обернулись и он заметил, что лицо управляющего просияло от облегчения.

– *Essolo!*³⁰ – воскликнул он. – Я был уверен, что *signore* где-то недалеко. Дела идут, *signore*. Двух дам нашли, и они любезно согласились проехать с полицейскими в *Questura*. Если вы немедленно пойдете туда, *agente di polizia*³¹ вас проводит.

Джон покраснел.

– Я доставил вам столько беспокойства, – сказал он. – Я собирался вам сказать перед тем, как идти ужинать, но вас не было на месте. Дело в том, что я связался с женой. Она действительно улетела тем рейсом в Лондон, и я разговаривал с ней по телефону. Вышло большое недоразумение.

На лице управляющего появилось озадаченное выражение.

– *Signora* в Лондоне? – спросил он и быстро обменялся с полицейским несколькими фразами по-итальянски. – Кажется, те дамы утверждают, что днем они никуда не выходили, только утром сделать кое-какие покупки, – сказал он, снова повернувшись к Джону. – Кого же тогда синьор видел на *varopetto*?

Джон покачал головой.

---

²⁹ Телятина в вине (*ит.*).

³⁰ Ну вот! (*ит.*)

³¹ Полицейский агент (*ит.*).

– Странная ошибка с моей стороны, – сказал он. – До сих пор не понимаю, как это могло получиться. Совершенно очевидно, что я не мог видеть ни свою жену, ни этих дам. Мне действительно очень жаль.

Еще один обмен фразами на быстром итальянском. Джон заметил, что портье как-то странно на него смотрит. Видимо, управляющий извинялся за Джона перед полицейским, который был явно раздражен и на повышенных тонах доводил свое неудовольствие до сведения управляющего. Все это дело, несомненно, причинило массу беспокойства очень многим людям, не говоря уже о несчастных сестрах.

– Послушайте, – прерывая поток итальянских слов, сказал Джон, – пожалуйста, скажите agente³², что я пойду с ним в управление полиции и лично принесу свои извинения как офицеру полиции, так и этим дамам.

По лицу управляющего было видно, что он несколько успокоился.

– Если только *signore* возьмет на себя такой труд, – сказал он. – Естественно, дамы были очень встревожены, когда полицейский задавал им вопросы в их отеле, они предложили пойти с ним в *Questura* только потому, что очень беспокоятся за *signora*.

Джон чуть не сгорел со стыда. Только бы Лора не узнала. Она будет в ярости. Интересно, подумал он, существует ли какое-нибудь наказание за дачу ложной информации, затрагивающей третью сторону? Задним числом его ошибка начала обретать криминальную окраску.

Он пересек площадь Сан-Марко, заполненную толпой прогуливающихся после обеда туристов и собравшимися перед кафе зрителями, – музыкальное состязание всех трех оркестров³³ было в полном разгаре. Его спутник шел слева от него, скромно держась на расстоянии двух шагов и не произнося ни слова.

Они прибыли в отделение полиции, поднялись по лестнице и вошли в кабинет, где он недавно уже побывал.

Он сразу увидел, что за столом сидит не тот офицер, с которым он разговаривал, а некая кислая личность с желтоватым лицом, а две сестры, явно встревоженные – особенно активная, зрячая, – сидели на стульях немного поодаль, и за спиной у них стоял какой-то младший полицейский чин. Сопровождающий Джона тут же подошел к офицеру и быстро заговорил по-итальянски, а сам он, после некоторого колебания, приблизился к сестрам.

– Произошла ужасная ошибка, – сказал он. – Я даже не знаю, как мне извиниться перед вами. Это моя вина, только моя, полиция здесь ни при чем.

Активная сестра сделала движение, словно пыталась встать, ее рот нервно подергивался, но он остановил ее.

– Мы не понимаем, – сказала она с сильным шотландским акцентом. – Вчера вечером мы попрощались с вашей женой и с тех пор ее больше не видели. Около часа назад в наш пансионат пришел полицейский, сказал, что ваша жена пропала и что вы подали на нас жалобу. Моя сестра не очень здорова. Она сильно разволновалась.

– Ошибка. Страшная ошибка, – повторил он.

Услышав, что к нему обращается офицер, Джон повернулся к столу. В умении говорить по-английски этот полицейский заметно уступал своему предшественнику. На столе перед ним лежало заявление Джона, и он постукивал по нему карандашом.

– Значит, – с сомнением в голосе спросил он, – этот документ одна ложь? Вы не сказали правда?

– В то время я думал, что это правда, – сказал Джон. – Я мог бы поклясться перед судом, что сегодня днем видел свою жену и обеих этих дам на *varopretto* на Большом канале. Сейчас я понимаю, что ошибся.

---

³² Зд.: следователь, сыщик (*int.*).

³³ Помимо оркестров кафе «Флориан» и «Квадри», на площади Сан-Марко играет оркестр кафе «Лаверна».

– Мы весь день и близко не были от Большого канала, – запротестовала деятельная сестра, – даже пешком. Утром мы сделали кое-какие покупки на Мерчерии и больше не выходили. Моя сестра была немного нездорова. Я уже раз десять повторила это офицеру полиции, в пансионате все подтвердят мои слова. Он не хотел меня слушать.

– А синьора? – сердито выкрикнул офицер. – Что стало с синьорой?

– Синьора, моя жена, в Англии, с ней все в порядке, – терпеливо объяснил Джон. – Сразу после семи я говорил с ней по телефону. Она вылетела из аэропорта чартерным рейсом и сейчас находится у друзей.

– Тогда кого вы видели на vaporetto в красном плаще? – спросил разъяренный полицейский. – И если не этих синьорина, то каких синьорина?

– Мои глаза обманули меня, – сказал Джон, сознавая, что его английский тоже начинает хромать. – Я думал, что вижу свою жену и этих дам, но нет, это было не так. Моя жена в это время была в самолете, а эти дамы в пансионате.

Казалось, он говорит на театральном китайском. Еще минута – и он начнет кланяться и засовывать руки в рукава.

Полицейский возвел глаза к небесам и принялся барабанить пальцами по столу.

– Значит, вся работа ни к чему, – сказал он. – Мы ходим по отелям и пансионатам, ищем синьорины и пропавшая синьора inglese³⁴, когда у нас здесь много, много дел. Вы делали ошибку. Вы, может быть, пил много вино mezzo giorno³⁵ и видел сто синьор в красных плащах на сто vaporetti. – Он встал, комкая бумаги на столе. – А вы, синьорины, – сказал он, – вы хотели подать жалобу на это лицо? – Он обращался к активной сестре.

– О нет, – сказала она, – вовсе нет. Я отлично понимаю, что это была ошибка. Единственное, чего мы хотим, так это немедленно вернуться в наш пансионат.

Что-то проворчав себе под нос, офицер указал пальцем на Джона.

– Вы очень счастливый человек, – сказал он. – Эти синьорина могли подать на вас жалобу – очень серьезное дело.

– Разумеется, – начал Джон, – я сделаю все, что в моих силах...

– Даже не думайте об этом, прошу вас! – воскликнула активная сестра. – Мы и слышать об этом не хотим. – Пришла ее очередь извиниться перед офицером. – Надеюсь, нам больше нет необходимости отнимать ваше драгоценное время, – сказала она.

Он махнул рукой, давая понять, что они свободны, и по-итальянски обратился к младшему полицейскому.

– Этот человек идет с вами в пансионат, – сказал он. – Buona sera³⁶, синьорины. – И, полностью игнорируя Джона, снова сел за стол.

– Я провожу вас, – сказал Джон, – я хочу объяснить, что именно произошло.

Они вместе спустились по лестнице и вышли из здания; слепая оперлась на руку сестры и обратила на Джона свой невидящий взгляд.

– Вы видели нас, – сказала она, – и вашу жену тоже. Но не сегодня. Вы видели нас в будущем.

– Я вас не понимаю, – в полном недоумении проговорил Джон.

Он повернулся к активной сестре, но та покачала головой, нахмурилась и приложила пальцы к губам.

– Пойдем, дорогая, – сказала она, обращаясь к сестре. – Ты очень устала, и я хочу поскорее отвести тебя в пансионат. – Затем полупшепотом она сказала Джону: – Она медиум, полагаю, ваша жена вам говорила, но я не хочу, чтобы она впала в транс здесь, на улице.

---

³⁴ Англичанка (ит.).

³⁵ Днем (ит.).

³⁶ Добрый вечер (ит.).

Боже упаси, подумал Джон, и маленькая процессия медленно двинулась по улице от управления полиции, затем, свернув налево, вдоль канала. Из-за слепой сестры шли медленно, им еще предстояло перейти мосты через два канала. После первого же поворота Джон потерял всякое представление о том, где они находятся, но едва ли это имело значение. Их сопровождал полицейский, да и сами сестры знали, куда идти.

– Я должен объясниться, – мягко сказал он. – Если я этого не сделаю, жена никогда не простит мне.

И пока они шли, он вновь пересказал всю загадочную историю, начиная с телеграммы, полученной накануне вечером, и далее про разговор с миссис Хилл, решение на следующий же день вернуться в Англию – Лоре самолетом, а ему самому на машине, а затем поездом. Теперь все это уже не звучало так драматично, как в первый раз, когда он делал заявление офицеру полиции. Возможно, тогда, уверенный в том, что произошло что-то ужасное, он описал встречу двух *varoretti* посреди Большого канала в зловещих тонах, явно намекая на похищение Лоры сестрами, которые держат ее своей пленницей. Теперь же, когда ни одна из этих женщин не представляла для него никакой угрозы, он говорил более естественно и вместе с тем очень искренно, впервые почувствовав, что между ними существует своеобразное родство душ, что они поймут.

– Видите ли, – сказал он, предпринимая последнюю попытку объяснить, почему он сперва пошел в полицию, и стараясь хоть как-то загладить свою вину, – я искренне верил, что видел вас с Лорой, и думал... – он помолчал в нерешительности, ведь то было не его предположение, а офицера полиции, – думал, что у Лоры случилась внезапная потеря памяти, что она встретила с вами в аэропорту и вы привезли ее обратно в Венецию, туда, где вы остановились.

Они пересекли большую площадь и приближались к дому с вывеской «*Pensione*» над дверью.

– Это здесь? – спросил Джон.

– Да, – ответила активная сестра. – Я знаю, снаружи пансион выглядит не слишком презентабельно, но внутри чисто, удобно, и мы рекомендуем его всем нашим друзьям. – Она повернулась к сопровождавшему их полицейскому. – *Grazie*³⁷, – сказала она ему, – *grazie tanto*³⁸.

Полицейский коротко кивнул, пожелал им *buona notte*³⁹ и, перейдя площадь, исчез.

– Может быть, вы зайдете? – спросила активная сестра. – Уверена, что у нас найдется кофе – или вы предпочитаете чай?

– Нет, благодарю вас, – сказал Джон. – Мне пора возвращаться в отель. Я выезжаю рано утром. Я только хочу окончательно убедиться, что вы понимаете, что произошло, и прощаете меня.

– Нам не за что вас прощать, – ответила она. – Это один из многих примеров второго зрения, которое время от времени появляется у моей сестры и у меня, и, если вы позволите, мне бы очень хотелось внести его в нашу картотеку.

– Ну разумеется, – сказал он, – но мне самому это трудно понять. Раньше со мной ничего подобного не случалось.

– Возможно, разумом этого и не понять, – сказала она, – но с нами случается много такого, чего мы не осознаем. Моя сестра почувствовала, что вы обладаете даром духовидения. Она сказала об этом вашей жене. Вчера вечером, в ресторане, она также сказала ей, что вам грозит опасность и вы должны уехать из Венеции. Неужели вы не верите, что телеграмма была

---

³⁷ Спасибо (*ит.*).

³⁸ Большое спасибо (*ит.*).

³⁹ Спокойной ночи (*ит.*).

прямым тому подтверждением? Ваш сын был болен, возможно опасно болен, и вам было необходимо немедленно вернуться. Слава богу, ваша жена улетела домой и сейчас она рядом с ним.

– Да, действительно, – сказал Джон. – Но почему же я видел ее на vaporetto рядом с вами и вашей сестрой, когда в действительности она была на пути в Англию?

– Возможно, передача мысли на расстоянии, – ответила она. – Наверное, ваша жена думала о вас. Мы дали ей наш адрес на тот случай, если бы вы захотели связаться с нами. Мы пробудем здесь еще десять дней. И она знает, что мы передадим любое послание, которое моя сестра может получить от вашей малышки из мира духов.

– Да, – неуверенно сказал Джон, – да, понимаю. Это очень мило с вашей стороны. – Ему вдруг представилась весьма нелестная для его собеседницы картина: как обе сестры в своей спальне, с наушниками на голове, принимают кодированное послание от бедной Кристины. – Послушайте, вот наш лондонский адрес, – сказал он. – Я знаю, что Лора будет рада получить от вас весточку.

На листке, вырванном из карманного ежедневника, он написал их адрес и, в качестве бесплатного приложения, номер телефона и протянул его ей. Он хорошо представлял себе последствия. Однажды вечером Лора обрушивает на него сообщение о том, что «милые старушки» по пути в Шотландию проездом будут в Лондоне, и самое меньшее, что они с Джоном могут для них сделать, это предложить свое гостеприимство и комнату на ночь. Затем сеанс в гостиной и материализующиеся из воздуха тамбурины.

– Ну, мне пора идти, – сказал он, – спокойной ночи и еще раз извините за то, что произошло сегодня. – Он пожал руку первой сестре, затем повернулся к ее слепому близнецу. – Надеюсь, – сказал он, – вы не слишком устали.

Невидящий взгляд приводил его в замешательство. Она крепко сжала его руку и долго не выпускала из своей.

– Ребенок, – сказала она, и голос ее звучал странным стаккато, – ребенок... я вижу ребенка...

Затем, к немалому его смутению, в уголке ее рта выступила пена, голова запрокинулась, и она почти рухнула на руки сестры.

– Мы должны внести ее в дом, – поспешно сказала та. – Все в порядке, она не больна, это начало транса.

Вдвоем они помогли слепой, которая словно оцепенела, войти в дом и посадили на ближайший стул. Из внутренней комнаты выбежала женщина. Откуда-то издалека доносился сильный запах спагетти.

– Не беспокойтесь, – сказала деятельная сестра, – мы с синьориной справимся. Я думаю, вам лучше идти. Иногда после транса ее тошнит.

– Мне ужасно жаль... – начал Джон, но она уже повернулась к нему спиной и вместе с синьориной склонилась над сестрой, издававшей странные, похожие на хрип звуки. Он явно был лишним и после последнего жеста вежливости: «Не могу ли я чем-нибудь помочь?» – оставшегося без ответа, повернулся и пошел через площадь. Один раз он оглянулся и увидел, что они уже закрыли дверь.

Хорош финал вечера! Бедные старые девы. Сперва их тащат в управление полиции, допрашивают, и вот венец всему – припадок. Похоже на эпилепсию. Несладкая жизнь у деятельной сестры, но она, похоже, не жалуется. А если это случится в ресторане или на улице? Да и под их с Лорой крышей не слишком желательно, если сестры под ней окажутся, чего, как он очень надеялся, все-таки не произойдет.

Однако где он? Площадь с обязательной церковью в одном конце была безлюдна. Он не помнил, какой дорогой они пришли из полицейского участка, слишком много было поворотов. Минуту! – в этой церкви ему почудилось что-то знакомое. Он подошел ближе, ища название, которое иногда указывается на доске объявлений при входе. Вспомнил, Сан-Джованни

ин Брагора. Однажды утром они с Лорой заходили в нее посмотреть картину Чима да Конельяно. Конечно же, отсюда рукой подать до Рива дельи Скьявони⁴⁰ и широких, открытых вод лагуны Сан-Марко с яркими огнями цивилизации и фланирующими туристами. Он помнил, что, свернув со Скьявони, они чуть ли не сразу оказались перед этой церковью. Не по тому ли переулку они тогда шли? Он свернул в переулок, но на полпути засомневался. Похоже, нет, хотя место почему-то казалось ему знакомым.

И тогда он понял: да, это не тот переулок, по которому они шли в то утро, когда заходили в церковь, а тот, по которому гуляли накануне вечером, только он свернул в него с противоположной стороны. Значит, все правильно, надо идти по нему дальше, перейти мост через узкий канал, и тогда слева он увидит Арсенал, а справа улицу, которая ведет к Рива дельи Скьявони. Так гораздо проще, чем пытаться идти назад по своим следам, – непременно снова заблудишься в лабиринте боковых улочек.

Он дошел почти до конца переулочка, перед ним уже вырисовывался мост, как вдруг увидел ребенка. Это была та же маленькая девочка, которая прошлой ночью прыгала с лодки на лодку и скрылась в подвале одного из домов. На этот раз она бежала к церкви с другой стороны, направляясь к мосту. Она бежала так, словно от этого зависела ее жизнь, и через мгновение он увидел почему. Ее преследовал мужчина, и, когда она оглянулась на бегу, он прижался к стене, чтобы его не заметили. Ребенок взбежал на мост, и Джон, опасаясь еще больше напугать кроху, через открытый дверной проем отступил в маленький дворик.

Он вспомнил пьяный вопль вчерашней ночью, который донесся из дома неподалеку оттуда, где сейчас притаился мужчина. Так вот оно что, подумал он, этот мерзавец опять гонится за ней; он невольно связал ужас ребенка тогда и сейчас и недавние убийства, о которых писали все газеты, совершаемые, как считалось, маньяком. Это могло быть случайным совпадением, и девочка просто спасалась от пьяницы-родственника, и все же, все же... Сердце начало бешено стучать у него в груди, инстинкт подсказывал, что ему самому надо убежать, сейчас, немедленно, назад по переулочку – туда, откуда он пришел. Но как же ребенок? Что будет с ребенком?

Затем он услышал топот ножек бегущей девочки. Через открытый проход она влетела во двор, где он стоял, и, не видя его, бросилась к дальнему концу двора – наверное, там находилась черная лестница. Она рыдала на бегу, и это был не жалобный плач испуганного ребенка, а панические, судорожные всхлипывания незащитного, отчаявшегося существа. Есть ли в доме родители, которые могли бы защитить ее, которых он мог бы предупредить? После секундного колебания он последовал за ней вниз по ступеням и проскочил в подвальную дверь, распахнувшуюся после того, как она всем телом налегла на нее.

– Не бойся! – крикнул Джон. – Я не дам тебя в обиду, не бойся!

Он проклинал себя за незнание итальянского, но, возможно, английская речь сумеет ее успокоить. Все бесполезно – громко всхлипывая, она уже лезла по лестнице, которая спиралью поднималась вверх, и отступать ему было слишком поздно: со двора до него доносился шум преследования, кто-то кричал по-итальянски, залаяла собака. Вот так-то, подумал он, мы оба в ловушке, и ребенок, и я. Если мы не сможем закрыть за собой на засов какую-нибудь внутреннюю дверь, маньяк доберется до нас обоих.

Он побежал вверх по лестнице за девочкой, которая метнулась в выходившую на маленькую площадку комнату, и захлопнул за собой дверь; на ней, слава богу, имелся засов, и он до отказа задвинул его. Ребенок, скорчившись, сидел у окна. Если позвать на помощь, кто-нибудь обязательно услышит, кто-нибудь обязательно придет, прежде чем преследователь начнет взламывать дверь и та поддастся под его напором, ведь, кроме них, здесь никого нет, ника-

---

⁴⁰ Набережная канала Бачино ди Сан-Марко, продолжение Моло в восточном направлении.

ких родителей, комната абсолютно пуста, только старая кровать с матрасом да кипа тряпья в углу.

– Все в порядке, – задыхаясь, сказал он, – все в порядке, – и, попытавшись улыбнуться, протянул руку.

Девочка поднялась на ноги и стояла перед ним, островерхий капюшон упал с ее головы. Он смотрел на нее и не верил своим глазам, затем удивление сменилось страхом, ужасом. Это был вовсе не ребенок, а маленькая, плотная карлица около трех футов ростом, с огромной квадратной головой взрослого человека, непропорционально большой для ее тела, с седыми космами до плеч; она ухмылялась и загадочно кивала головой.

Затем он услышал на площадке топот, собачий лай и крики не одного, а нескольких голосов: «Откройте! Полиция!» Существо пошарило в рукаве, вытащило нож и с ужасающей силой пронзило им его горло; он упал, липкая жижа текла по рукам, которыми он инстинктивно сжимал рану.

И он увидел vaporetto с Лорой и двумя сестрами, плывущий вниз по Большому каналу, не сегодня, не завтра, а послезавтра, и он знал, почему они вместе, какой печальный обряд им предстоит исполнить. Существо по-кошачьи свернулось в углу. Удары в дверь, голоса, собачий лай постепенно замирали, словно отступая вдаль, и – «Господи, – подумал он, – какая чертовски глупая смерть...».

Не позже полуночи

По профессии я учитель. Или был им. Я подал директору заявление об уходе до окончания летнего семестра, чтобы предупредить неминуемое увольнение. Причины мне придумывать не пришлось: самочувствие мое и в самом деле было хуже некуда. Болезнь, которую я подхватил во время отпуска на Крите, грозила мне неделями пребывания в больнице, разными инъекциями и так далее. Я не уточнял, что со мной. Однако и он, и мои коллеги, и мальчишки знали, что мой недуг универсален и был таким во все времена – с давних пор предлог для острот и веселья, пока не переступишь черту и не станешь угрозой для общества. Тогда нас увольняют. И все, отворачиваясь, проходят мимо, предоставляя нам самим выкарабкиваться из этой ямы или оставаться в ней умирать.

Особенно досадно, что я и понятия не имею, отчего это случилось со мной. Другие могут сослаться на предрасположение, плохую наследственность, семейные неурядицы, пресыщенность жизнью и, бросившись на кушетку психоаналитика, выболтать свой отвратительный секрет и таким образом излечиться. Я же ничего подобного сделать не могу. Врач, которому я попытался объяснить, что со мной произошло, выслушал меня с надменной улыбкой, потом пробормотал что-то о вреде мнительности в сочетании с подавленным состоянием и прописал курс пилуль. Возможно, они бы и помогли, если б я принимал их. Вместо этого я бросил их в канализационную трубу и еще больше пропитывался не дававшей мне покоя отравой. Это ухудшило дело. Особенно губительным оказалось то, что мальчишки, которых я считал своими друзьями, почувствовали мое состояние: они подталкивали друг друга локтями, когда я входил в класс; давясь от смеха, склоняли над партами свои маленькие противные головы, – пока не наступил момент, когда я понял, что больше так не могу, и решился постучать в дверь к директору.

Ну все, кончено, довольно об этом. Передо мной альтернатива: отправиться в больницу или стереть все из памяти. Но прежде я хочу установить, с чего это началось. Тогда, что бы ни произошло со мной, мои записки будут найдены, и прочитавший их сможет сам решить, согласиться ли ему с мнением врача, что некоторый недостаток внутренней уравновешенности сделал меня жертвой суеверного страха, или принять мою точку зрения – что мое падение было вызвано вековой магией, коварным злом, корни которого теряются в глубине истории. Можно даже сказать, что тот, кто первым сотворил эту магию и с бесовской радостью заражал других, сея в своих наследниках по всему миру семена саморазрушения, – обессмертил себя.

Обратимся к началу. Стоял апрель, пасхальные каникулы. В Греции я уже бывал до этого дважды, но ни разу на Крите. Я стремился посетить Крит не ради изучения достопримечательностей Кносса и Феста⁴¹, а ради удовольствия заняться своим хобби. Я немного увлекаюсь живописью, и в выходные дни или в школьные каникулы это для меня все. Мои работы хвалят знакомые из мира искусств, и я поставил себе цель – набрать картин для небольшой выставки. Даже если ни одна из них и не будет продана, персональная выставка была бы большим достижением.

А теперь коротко, в двух словах о себе. Я холостяк. Возраст – сорок девять. Родители умерли. Образование получил в Шерборне⁴² и Брейзнос-колледже в Оксфорде. Профессия, как вы уже знаете, школьный учитель. Играю в крокет, гольф, бадминтон и, довольно плохо, в бридж. Интересы, помимо преподавания, как я уже говорил, – искусство и иногда, когда могу себе позволить, путешествия. И никаких пороков – до сих пор буквально никаких. Это не бахвальство, просто моя жизнь во всех отношениях не богата событиями. И это меня ничуть

---

⁴¹ Кносс, Фест – древние города на греческом острове Крит; начиная с 1900 г. там велись археологические раскопки.

⁴² Мужская привилегированная частная школа в графстве Дорсетшир. Основана в 1550 г.

не тревожило. Наверное, я скучный человек. На избыток эмоций не жалею. В двадцать пять лет был обручен с хорошенькой девушкой, соседкой, но она вышла замуж за другого. Было больно, но рана зажила меньше чем за год. У меня один недостаток, если это только недостаток, и, возможно, им-то и объясняется моя до сего времени монотонная жизнь. Это – нежелание общаться с людьми. Друзья у меня есть, но неблизкие. Сблизись – начнутся всякие трения, только и жди неприятностей.

Я отправился на Крит в пасхальные каникулы, не взяв с собой ничего, кроме внушительных размеров чемодана и принадлежностей для живописи. Агент бюро путешествий, узнав, что меня не интересуют археологические достопримечательности, а я собираюсь порисовать, порекомендовал отель с видом на залив Мирабелон, на восточном его берегу. Мне показали буклет, и это вроде отвечало моим запросам. Привлекательно расположенное на морском берегу здание и отдельные шале ближе к воде, где спали и завтракали. Клиентура солидная: я, хоть и не считаю себя снобом, тоже не переносу бумажных пакетов и апельсиновых корок. Две картины, написанные предыдущей зимой, – вид собора Святого Павла⁴³ под снегом и еще один – Хампстед-Хит⁴⁴, обе проданные любезной кузине, – окупали мою поездку, и я позволил себе маленькую слабость, хотя, по существу, это было необходимо, – по прибытии в аэропорт Ираклиона взял напрокат маленький «фольксваген».

Рейс, с ночной остановкой в Афинах, прошел приятно и без приключений. Но путь в сорок с лишним миль несколько утомил меня, так как, будучи водителем осторожным, я ехал не торопясь, а извилистая дорога, когда я добрался до гор, стала довольно опасной. Машины обгоняли меня, а встречные отворачивали в сторону и громко сигналили. Кроме того, было очень жарко и я проголодался. Вид синего залива Мирабелон и великолепных гор на востоке приподнял мое настроение. А когда я приехал в отель, красиво вписавшийся в окружающий пейзаж, и мне подали на террасу ланч, несмотря на то что было уже более двух часов дня – как не похоже на Англию! – захотелось отдохнуть и посмотреть свое жилище. Последовало разочарование. Молодой портье провел меня по садовой дорожке, обсаженной с обеих сторон яркими геранями, к маленькому домику, стиснутому с боков другими и с видом не на море, а на участок сада с площадкой для мини-гольфа. Мои ближайшие соседи – явно английская мамаша со своим выводком – приветствовали меня улыбками с балкона, увешанного сохнувшими на солнце купальниками. Двое мужчин средних лет были заняты игрой в гольф. Я мог бы с таким же успехом отдохнуть в Мейденхеде⁴⁵.

– Это мне не подходит, – сказал я, поворачиваясь к своему сопровождающему. – Я приехал сюда рисовать. Мне нужен вид на море.

Он пожал плечами, пробормотал, что, мол, домики у моря все заняты и это, конечно, не его вина.

Я заставил его отправиться со мной назад, в отель, и сам обратился к клерку, ведающему приемом.

– Здесь какая-то ошибка, – сказал я. – Я просил шале с видом на море, и прежде всего уединенное.

Клерк улыбнулся, извинился, принялся перебирать бумаги, и последовали обычные отговорки: мой агент бюро путешествий не сделал специального заказа на шале с видом на море. Они пользуются большим спросом и уже все забронированы. Может быть, через несколько дней придут отказы, кто знает. При этом он уверял, что я прекрасно устроюсь в отведенном мне домике. Обстановка такая же, завтрак будет подаваться, и так далее, и тому подобное.

---

⁴³ Главный собор Англиканской церкви; одна из наиболее известных достопримечательностей Лондона. Построен по проекту Кристофера Ренна в 1675–1710 гг.

⁴⁴ Лесопарк в северной части Лондона вблизи фешенебельного района Хампстед.

⁴⁵ Густонаселенный район Лондона.

Я стоял на своем. Нет, меня не соблазнят ни английское семейство, ни мини-гольф. Не для того я летел за тысячу миль и выложил кучу денег. В общем, меня все это утомило и порядочно взвинтило.

– Я художник, профессор, – заявил я клерку. – За время пребывания здесь мне надо выполнить несколько заказов, и очень важно, чтобы у меня был вид на море и соседи, которые бы не мешали.

(В паспорте, где обозначается род занятий, у меня стоит: профессор. Это звучит лучше, чем педагог или учитель, и обычно вызывает уважение администрации.)

Клерк, казалось, был искренне огорчен. Продолжая оправдываться, он снова повернулся к полке с бумагами. Вконец раздраженный, я пересек просторный вестибюль и выглянул из дверей на склон, на море.

– Не могу поверить, – сказал я, – чтобы все они были заняты. Еще только начало сезона. Летом – может быть, но не сейчас. – Я махнул рукой в сторону западной части залива. – Вон те, – сказал я. – У самой воды. Вы хотите сказать, что все до единого сданы?

Он покачал головой и улыбнулся.

– Мы обычно не открываем их до середины сезона. К тому же они гораздо дороже. Там есть и ванна, и душ.

– Насколько дороже? – не отступался я.

Он сказал. Я быстро прикинул, что могу себе это позволить, если сокращу все остальные расходы. Вечером питаться в отеле и обходиться без ланча. И – ничего в баре, даже никакой минеральной воды.

– Тогда нет проблем, – важно произнес я. – С удовольствием переплачу за покой. И если вы не возражаете, мне бы хотелось выбрать домик самому. Я прогуляюсь пока к морю, а потом вернусь за ключом, и носильщик отнесет вещи.

Я не дал ему времени для ответа, повернулся и вышел. Напористость была вознаграждена. Замешкайся я на минуту, и он бы всучил мне этот дурацкий домик с окнами на мини-гольф. Представляю себе последствия. Крики детей на соседнем балконе, наверное, несдержанная мамаша, мужчины, упрашивающие сыграть в гольф. Я бы этого не выдержал.

Я прошел вниз через сад к морю, и, как только это сделал, настроение у меня поднялось: это, конечно, было то, что столь красочно описывалось в брошюре агента, то, ради чего я летел за тысячу миль. Без преувеличения. Маленькие побеленные домики, предусмотрительно расположенные далеко друг от друга, ниже – море, омывающее скалы. Был и пляж, и, несомненно, люди купались тут в разгар сезона, хотя сейчас здесь никого не было, но даже если бы кто-то и появился, то сами шале располагались левее, в спокойствии и уединении. Клерк, должно быть, говорил правду, что они сдаются лишь в разгар сезона: окна во всех были закрыты ставнями. Во всех, кроме одного. Тотчас, поднявшись по ступенькам на балкон, я понял – это как раз для меня. Тот самый вид, что я и представлял себе. Подо мной – море, зажатое скалами, бухта, переходящая в залив, и вдали – горы. Место идеальное. Шале, что располагались восточнее отеля, не в счет: их не было видно. Лишь одно, с причалом внизу, одиноко стояло на узком мысу, как аванпост, но оно только обогатило бы картину, если его написать. Остальные мило-стивно скрывала возвышенность. Я повернулся и заглянул в открытые окна спальни. Простые побеленные стены, каменный пол, удобная кушетка с пледами на ней. Прикроватный столик с лампой и телефоном. Если бы не последнее, это была бы простота монашеской кельи, а большего мне и не требовалось.

Недоумевая, почему не закрыто именно это шале, а не какое-нибудь из соседних, я шагнул внутрь и услышал, что где-то в ванной бежит вода. Неужели и тут неудача – занято? Я просунул голову в открытую дверь и увидел, что горничная, маленькая гречанка, моет в ванной пол. Мне показалось, она вздрогнула, увидев меня. Я, соответственно жестикулируя, спросил:

– Это занято?

Она не поняла, но ответила что-то по-гречески. Потом схватила тряпку и ведро и, прямо в ужасе, прошмыгнула мимо меня к выходу, оставив работу незаконченной.

Я вернулся в спальню, поднял телефонную трубку и тут же услышал спокойный голос дежурного клерка.

– Говорит мистер Грей, – сказал я. – Мистер Тимоти Грей. Я только что разговаривал с вами о замене домика.

– Да, мистер Грей, – ответил он, и в голосе его слышалось удивление. – А откуда же вы говорите?

– Минутку, – сказал я и, положив трубку, прошел через комнату на балкон. Над открытой дверью был номер 62. – Я говорю из домика, который себе выбрал, – сказал я. – Он случайно оказался открытым: одна из горничных убирала ванную, боюсь, что я ее напугал. Этот домик для меня идеален. Номер шестьдесят два.

Он ответил не сразу, а когда ответил, голос его прозвучал неуверенно.

– Номер шестьдесят два? – повторил он. И после минутного колебания: – Не уверен, что он свободен.

– О, бога ради... – начал я нетерпеливо и услышал, как он по-гречески говорит с кем-то рядом. Разговор шел долго: видно, было какое-то препятствие, но это, однако, не убавило моей решимости.

– Вы слышите меня? – сказал я. – Какие там еще затруднения?

Более торопливое перешептывание, и наконец ко мне:

– Ничего страшного, мистер Грей. Просто мы считаем, что вам, наверное, намного удобнее будет в номере пятьдесят семь, который к тому же ближе к отелю.

– Ерунда, – сказал я. – Мне нравится вид отсюда. А что с номером шестьдесят два? Неисправен водопровод?

– Водопровод, разумеется, работает, – заверил он, и снова послышался шепот. – Вообще с домиком все в порядке. И если уж вы решили, я посылаю носильщика с багажом и ключом.

Он повесил трубку – вероятно, чтобы закончить дискуссию с тем, с кем шептался. Может быть, они хотели повысить цену? Если так, я бы нашел, что им сказать. Шале не отличалось от своих пустовавших соседей, но его расположение – и море, и горы, – это было то, о чем я мечтал, даже более. Я стоял на балконе, смотрел на море и улыбался. Какой вид, какое место! Я распакую вещи и искупаюсь. А потом поставлю мольберт и сделаю первый эскиз, а уж утром примусь как следует за работу.

Послышались голоса, и я увидел маленькую горничную, уставившуюся на меня с садовой дорожки, по-прежнему с ведром и тряпкой в руках. Потом, когда молодой носильщик спулся со склона, неся мой чемодан и этюдник, она, должно быть, поняла, что я собираюсь поселиться в 62-м номере, потому что остановила его на полпути, и начался еще один разговор шепотом. Очевидно, я нарушил размеренную жизнь отеля. Через несколько минут они вместе поднялись в дом: носильщик, чтобы внести мой багаж, горничная, наверное, чтобы закончить мытье пола в ванной. Я не собирался портить с ними отношения и, бодро улыбаясь, сунул каждому в руку по монете.

– Прекрасный вид, – сказал я, показывая на море. – Надо пойти поплавать. – Я изобразил движения басса, демонстрируя свои намерения, и ожидал получить в ответ благосклонную улыбку: ведь греки так отзывчивы на доброту.

Носильщик отвел глаза и церемонно поклонился, приняв, однако, мои чаевые. Что же до маленькой горничной, то мучение совершенно явно отразилось на ее лице, и, забывшись домыть пол, она шмыгнула за ним. Было слышно, как они разговаривают, шагая по садовой дорожке к отелю.

Ну, это уж не моя забота. Пусть служащие и начальство сами разбираются в своих делах. Я получил то, что хотел, а остальное меня не касается.

Я распаковал вещи и устроился как у себя дома. Потом я натянул плавки, спустился на край скалы под балконом и, вытянув ногу, отважился коснуться воды кончиками пальцев. Несмотря на яркое солнце, сиявшее целый день, вода была удивительно холодной. Пустяки. Нужно доказать свою храбрость, хотя бы только самому себе. Я нырнул, отдышался и, будучи осторожным пловцом и в лучшие времена, особенно в незнакомых водах, быстро-быстро поплыл кругами, словно морской львенок в бассейне зоопарка.

Освежающе – несомненно, но нескольких минут было достаточно. А когда я снова выбрался на скалы, то увидел, что носильщик и маленькая горничная все время наблюдали за мной сверху, с садовой дорожки, из-за цветущего куста. Надеюсь, лицо меня не выдало. И отчего все-таки такой интерес? Ведь, наверное, люди из других домиков тоже плавают каждый день. Во всяком случае, купальники на балконах висят.

Я обсыхал на балконе, наблюдая, как солнце, теперь с запада, из-за моего шале, покрывало воду сверкающими кольцами. Рыбачьи лодки возвращались в маленькую гавань, расположенную в нескольких милях отсюда; приятно попыхивали моторы: пух-пух-пух.

Я принял из предосторожности горячую ванну: первое в сезоне купание всегда вызывает некоторое околечение, – оделся, потом установил мольберт и ушел в работу. Для этого я ведь и приехал сюда, а все остальное не имело значения. Когда свет ослаб и море потемнело, а горы стали пурпурно-синими, я с радостью подумал, что завтра смогу вместо рисунка углем запечатлеть эту вечернюю зарю в цвете, и пейзаж оживет.

Пора было остановиться. Я сложил свои принадлежности и, собираясь переодеться и закрыть ставни – москиты, безусловно, были, а мне не хотелось быть искусанным, – увидел моторную лодку с мягко урчащим двигателем,двигающуюся к расположенному восточнее от меня, справа, мысу с причалом. На борту трое, несомненно рыболовы-любители, в том числе женщина. Один из мужчин, вероятно местный, пришвартовал лодку, ступил на причал и помог женщине выйти. Затем все трое стали смотреть в мою сторону, а второй мужчина, на корме, взял бинокль и направил его на меня. Он неподвижно держал его несколько минут, фокусируя и, несомненно, рассматривая каждую деталь моей внешности, в которой нет ничего примечательного. Бог знает, сколько бы это продолжалось, если бы мне вдруг не надоело и я не удалился в спальню, захлопнув ставни. Ну можно ли быть таким невоспитанным? – спросил я себя. И тут же вспомнил, что все западные шале еще не заняты и мое обживаетея первым. Не исключено, что это вызвало такое внимание ко мне сначала персонала отеля, а теперь и постояльцев тоже. Интерес, вероятно, скоро пропадет. Я не миллионер и не поп-звезда. А мои живописные потуги, как ни приятны они для меня, вряд ли могут интересовать публику.

Ровно в восемь я поднялся по садовой дорожке в отель и явился в столовую на ужин. Посетителей здесь было немного, и меня, в соответствии с моим статусом одиночки, определили за столик в углу, неподалеку от перегородки, прикрывающей служебный вход из кухонь. Ну ничего. Здесь мне было даже лучше, чем в середине зала, где бы я сразу понял, что клиентура отеля отвечала принципу, который моя мама обычно определяла выражением: «Все детки с одной ветки».

Я наслаждался едой, угощался, несмотря на свой дорогостоящий домик, полубутылкой домашнего вина и чистил апельсин, и вдруг всех нас привел в смятение ужасный грохот в дальнем углу. Официанты поспешили к месту происшествия. Все головы повернулись. Повернулся и я. Раздался хриплый голос уроженца американского Юга:

– Когда же будет порядок в этой проклятой столовой!

Это был мужчина средних лет, с квадратными плечами и лицом, покрытым волдырями от ожогов солнца и настолько опухшим, что, казалось, его искусили пчелы, миллионы пчел. Глаза прямо утонули в нем, а розовая кожа на лысой макушке, обрамленной густыми поседевшими волосами, натянулась, как на готовой лопнуть сосиске. Уши, похожие на огромных устриц, усиливали диспропорцию. Клочки усов не могли скрыть выступающей нижней губы, пухлой,

словно медуза, и такой же влажной. Редко мне случалось видеть более неприятную личность. Женщина, неподвижно и совершенно прямо сидевшая рядом с ним – видимо, его жена, – не обращала никакого внимания на осколки на полу, – кажется, в основном от бутылок. На вид она была средних лет, с копной седеющих волос цвета пакли и лицом таким же загорелым, как и у ее супруга, только с коричневатым, а не с красным оттенком.

– К черту эту столовую! – прохрипел он на весь зал. – Идем в бар.

Постояльцы благоразумно принялись за еду, и я, вероятно, был единственный, кто наблюдал задвигающимся нетвердой походкой, покусанным пчелами супругом и его женой. Я успел еще заметить беруши у нее в ушах – вероятно, защита от скрежещущего голоса мужа, – как он, словно кренящийся корабль в кильватере своего устойчивого партнера, буквально выкатился мимо меня в бар. Я про себя оценил расторопность гостиничного персонала, в два счета справившегося с уборкой обломков кораблекрушения.

Столовая опустела.

– Кофе в баре, сэр, – пробормотал мой официант.

Опасаясь шумного сборища и громкой болтовни, я колебался, перед тем как зайти: компании в гостиничных барах всегда утомляли меня, но терпеть не могу уходить без послеобеденного кофе. Мне не стоило волноваться. В баре было пусто. Только бармен в белом пиджаке за стойкой и американец за столом со своей женой. Перед ним уже три пустые пивные бутылки. Оба молчали. Откуда-то из-за стойки мягко звучала греческая музыка. Я уселся на табурет и заказал кофе.

Бармен, прекрасно говоривший по-английски, поинтересовался, хорошо ли я провел день. Я ответил утвердительно – полет прошел неплохо, дорогу из Ираклиона я нашел опасной, первое купание слишком освежающим. Он заметил, что еще не сезон.

– Во всяком случае, – сказал я, – я приехал писать, а уж потом плавать. Домик мой номер шестьдесят два у самой воды, и вид с балкона великолепный.

И странное дело: он протирает стакан и вдруг переменяется в лице. Показалось даже, он что-то хотел сказать, потом, видно, раздумал и продолжил свое занятие.

– Сними, черт возьми, эту пластинку! – гулко раздалось в пустом помещении.

Бармен тотчас направился к проигрывателю и выключил его. И тут же снова:

– Принеси еще бутылку пива!

Ну уж будь я на месте бармена, я бы повернулся к этому человеку и по-родительски потребовал: скажи «пожалуйста». Но это животное тут же обслужили. И когда я уже допивал свой кофе, из-за стола донеслось:

– Эй, вы, шале шестьдесят два, вы не суеверны?

Я повернулся на табурете. Он уставился на меня со стаканом в руке. Его жена смотрела прямо перед собой. Может быть, она даже вытащила свои беруши. Памятуя, что к сумасшедшим и пьяницам следует относиться с юмором, я ответил достаточно вежливо:

– Нет, я не суеверен. А с чего бы?

Он принялся хохотать, и на его ярко-красном лице образовалось с сотню складок.

– Черт бы меня побрал. Да малый из этого шале утонул всего две недели назад. Два дня не появлялся, а потом тело его, наполовину съеденное осьминогами, вытащили в сетях местные рыбаки.

Он затрясся от смеха, хлопая рукой по колену, а я отвернулся в сторону от омерзения и вопрошающе поднял брови, взглянув на бармена.

– Несчастный случай, – пробормотал тот. – Мистер Гордон был такой приятный джентльмен. Интересовался археологией. Было очень тепло в ту ночь, когда он исчез; он, должно быть, после ужина ушел купаться. Конечно, вызвали полицию. Мы здесь, в гостинице, расстроились больше всего. Понимаете, сэр, мы об этом особенно не рассказываем. Может повредить делу. Но смею вас заверить, что купаться совершенно безопасно. Это первый случай за все время.

– Ну и ну, – сказал я.

И все же... Не очень-то приятно, что бедняга был последним, кто жил тут до меня. Однако он ведь умер не в кровати. И я не суеверен. Теперь я понял, почему с такой неохотой сдавали домик, понял, почему испугалась маленькая горничная.

– И вот что я вам скажу, – продолжал греметь отвратительный голос, – не ходите купаться после полуночи, а то осьминоги съедят и вас. – За этим предостережением последовал новый взрыв хохота. Затем он сказал: – Идем, Мод. Пора отправляться спать. – И он с шумом отпихнул в сторону стол.

Я с облегчением вздохнул, когда мы остались одни.

– Что за ужасный человек, – сказал я. – Неужели администрация не в состоянии от него избавиться?

Бармен пожал плечами:

– Бизнес есть бизнес. Что тут можно сделать? У Столлов полно денег. Они здесь вот уже второй сезон, приехали, когда мы только что открылись, в марте. Кажется, они без ума от этого места. Только теперь вот мистер Столл так сильно пьет, раньше он пьяницей не был. Он погубит себя, если будет продолжать подобным образом. И так все время, из вечера в вечер. Днем-то еще ничего. В море на рыбалке с раннего утра до захода солнца.

– Я полагаю, бутылок летит за борт больше, чем он наловит рыбы, – заметил я.

– Возможно, – согласился бармен. – Он никогда не приносит в гостиницу свой улов. Наверное, отдает лодочнику.

– Жену его жалко.

Бармен пожал плечами.

– Она не из бедных, – ответил он *sotto voce*⁴⁶, потому что тут в бар вошло двое посетителей. – Я не думаю, что мистер Столл – хозяин положения. Быть глухой, может быть, для нее удобнее. Она – ни на шаг от него. Ловит рыбу с ним целыми днями. Да, джентльмены, что вам угодно?

Он повернулся к новым клиентам, а я ушел. Каких только людей на свете не бывает, промелькнула у меня избитая мысль. По мне, так пусть себе мистер Столл и его глухая супруга хоть целыми днями дочерна копятся в море на солнце и по вечерам дуют свое пиво. Они даже не соседи. Да, последний обитатель номера 62 случайно утонул, зато тому, кто живет в нем сейчас, теперь по крайней мере обеспечено спокойствие.

Я прошел по садовой дорожке к своему жилищу. Стояла ясная звездная ночь. Воздух был ароматен и сладок от запаха цветущего кустарника, густо посаженного на красной земле. Я посмотрел с балкона на море, в сторону далеких, окутанных дымкой гор, посмотрел на огни маленького рыбацкого порта. Справа от меня мерцали огни других шале, создавая приятное, почти сказочное впечатление, как искусный задник на сцене. Поистине замечательное место, и я благословил агента по туризму за рекомендацию.

Я вошел в дом через прикрытую ставнями дверь балкона и включил лампу у изголовья кровати. Комната выглядела приветливо и уютно; лучше и быть не могло. Я разделся и уже хотел улечься в постель, как вспомнил, что оставил на балконе книгу, которую собирался посмотреть. Открыл ставни, забрал ее из шезлонга и еще раз, прежде чем улечься спать, взглянул в открытое море. Большинство волшебных огней потухло, но в шале, которое стояло на отшибе, на самой крайней точке, еще горел на балконе свет. На лодке, привязанной к причалу, светился фонарь. Секунда-другая, и я увидел, как что-то движется недалеко от моих скал. Это был шноркель подводного пловца. Тонкая трубка, словно крошечный перископ, спокойно двигалась по неподвижной, темной поверхности моря. Затем далеко слева она исчезла из виду. Я закрыл ставни и отошел от окна.

---

⁴⁶ Вполголоса (*um.*).

Не знаю почему, но при появлении этого предмета мне стало несколько не по себе. У меня возникли мысли о несчастном, утонувшем во время полуночного купания. О моем предшественнике. Он тоже, наверное, отправился таким же благоухающим вечером поплавать под водой и... расстался с жизнью. Казалось бы, этот несчастный случай должен был отвадить обитателей отеля плавать в одиночку по ночам. Я твердо решил купаться только среди бела дня и – пусть это трусость – не заплывать далеко.

Я пробежал несколько страниц своей книжки, потом, почувствовав, что засыпаю, повернулся выключить свет. И сделал это так неловко, что задел телефон, и он свалился на пол. Наклонился, поднял его – к счастью, никаких повреждений, – но маленький ящичек, часть подставки, раскрылся. В нем – клочок бумаги или, вернее, карточки с именем Чарльза Гордона и адресом в Блумсбери⁴⁷. Гордон – это же фамилия моего предшественника? Маленькая горничная, убирая комнату, и не подумала открыть ящичек. Я перевернул карточку. На обороте было что-то нацарапано, несколько слов: «Не позже полуночи». А дальше, видно, пришедшее потом в голову число 38. Я положил карточку обратно в ящичек и выключил свет. Дорога меня утомила, но уснул я, когда было уже почти половина третьего. Я лежал без сна и слушал, как плещется о скалы вода у меня под балконом.

Я безостановочно писал три дня, ни разу не покидая своего жилища, только выбегал окунуться по утрам да вечером ходил в отель на ужин. Никто мне не мешал. Услужливый официант приносил завтрак, от которого я откладывал булочки на полуденный ланч, маленькая горничная убирала постель и делала свою работу, не отвлекая меня, и, когда я к середине третьего дня закончил свое импрессионистическое полотно, я вполне определенно осознавал, что это одна из лучших моих картин. Она займет почетное место на моей будущей персональной выставке. Очень довольный, я мог бы теперь отдохнуть и решил на следующий день обследовать побережье, отыскать еще какой-нибудь вид и, быть может, снова обрести вдохновение. Погода была великолепная. Тепло, как в хорошем английском июне. И самое главное – отсутствие поблизости соседей. Остальные постояльцы держались своей территории и не пытались завязывать знакомств, если не считать обмена поклонами и кивками при входе в столовую на ужин. Я старался выпивать свой кофе в баре до того, как там появится мистер Столл.

Теперь я понял, что это его лодка причаливала у мыса. Они отправлялись очень рано, и я не видел, как они уходили, но, бывало, замечал, когда возвращались в конце дня: легко узнавалась его квадратная, сутулая фигура, а иногда, когда они приближались к причалу, слышался и хриплый голос человека, управлявшего лодкой. Они занимали уединенное шале на косе, и я подумал, а не специально ли Столл выбрал это шале, чтобы напиваться до умопомрачения подальше от соседей? Что ж, вольному воля, лишь бы он не навязывал мне своего отвратительного общества.

Чувствуя необходимость немного поразмяться, я решил прогуляться на восток от отеля. Еще раз поздравил себя с тем, что не оказался в скоплении домиков на густонаселенном участке. Мини-гольф и теннис были в разгаре, а на маленьком пляже каждый клочок песка был покрыт телами с неуклюже раскинутыми руками и ногами. Но скоро гомон публики остался позади, и меня надежно защитил от него цветущий кустарник. Я оказался на мысе около причала. Лодки еще не было видно ни тут, ни в заливе.

Меня охватило неожиданное искушение заглянуть в шале неприятного мистера Столла. Я прокрался по небольшой тропке, словно грабитель, рыщущий в поисках добычи, и посмотрел вверх, на закрытые ставнями окна. Дом ни от моего, ни от своих собратьев ничем существенным не отличался, если бы не предательская куча бутылок в углу на балконе. Скотина... Потом кое-что еще задержало мой взгляд: пара ласт, трубка. Вряд ли при таком количестве выпитого

---

⁴⁷ Район в центре Лондона.

он отваживался погружать свою тушу в воду. Может быть, он снаряжал для ловли крабов местного грека, нанятого в качестве «команды»? И я вспомнил мой первый вечер, трубку рядом со скалами и фонарь на лодке.

Я пошел прочь, потому что слышались шаги на дорожке, а мне не хотелось, чтобы видели, как я шпионю. Уходя, я взглянул на номер домика. 38. Число это не произвело на меня тогда никакого впечатления, но позже, переодеваясь к ужину и доставая булавку для галстука, которую я положил на прикроватную тумбочку, я машинально открыл ящичек под телефоном, чтобы еще раз взглянуть на карточку своего предшественника. Да, так и есть. Небрежно написанное число было 38. Чистое совпадение, конечно, и все же... «Не позже полуночи». Слова неожиданно приобрели смысл. Столл в первый же вечер предупредил меня в отношении поздних купаний. Может быть, он предупреждал и Гордона? И Гордон написал это предупреждение на своей карточке, а на обороте – номер домика Столла? В этом был смысл, но, очевидно, бедняга Гордон пренебрег советом. Так же, по-видимому, поступает и один из обитателей шале 38.

Я закончил переодеваться и, вместо того чтобы положить карточку на место, положил ее в бумажник. У меня было смутное чувство, что при случае ее надо вручить дежурному, что она прольет какой-то свет на кончину моего несчастного предшественника. Я не расставался с этой мыслью в течение обеда, но ни к какому решению не пришел. Ведь и меня бы впутали, да и полиция стала бы задавать вопросы. А насколько я знал, дело было закрыто. Нет, не стоило вдруг появляться с забытой визитной карточкой, которая, вероятно, не имела абсолютно никакого значения.

Так случилось, что люди, сидевшие в столовой справа от меня, по-видимому, уехали, и место Столлов в углу было теперь у меня на виду. Я мог, не вытягивая шею, наблюдать за ними незаметно и был поражен тем, что он ни разу, ни единым словом не обмолвился с ней. Они составляли странный контраст. Она словно аршин проглотила, чопорная, строгая, орудующая вилок, как учительница воскресной школы на пикнике; он еще краснее, чем всегда, словно большая раздутая сосиска; отпихивающий от себя после первой пробы большую часть того, что ставил перед ним официант, и протягивающий короткую волосатую руку за все время пустующим стаканом.

Я кончил обедать и прошел в бар выпить кофе. Было еще рано, и я нашел себе место. Мы с барменом обменялись обычными любезностями; затем, поговорив о погоде, я кивнул в сторону столовой:

– Я заметил, наш друг мистер Столл и его жена, как обычно, провели весь день в море. Бармен пожал плечами.

– Каждый день так, никаких изменений, – ответил он. – И большей частью одно и то же направление – на запад из бухты в залив. К тому же погода бывает шквалистой, а им будто все нипочем.

– Не знаю, как она его терпит, – сказал я. – Наблюдал за ними во время еды, так он с ней даже не разговаривает. Интересно, другие постояльцы какого мнения о нем?

– Они держатся в стороне, сэр. Вы помните, как было с вами? Если он раскрывает рот, то только чтобы хамить. Вот и с прислугой. Девочки не осмеливаются делать уборку в доме, пока он не уйдет. А запах! – Он поморщился, наклонился ко мне и доверительно произнес: – Девочки говорят, он варит свое пиво. Жжет в камине огонь, у него стоит там горшок с гниющим зерном, что-то вроде помоев для свиней! Ну да, он и выпивает все тут же. Вообразите состояние его печени, да еще при том, что он употребляет за ужином и потом здесь, в баре!

– Я думаю, поэтому у него и горит на балконе до поздней ночи свет, – сказал я. – Пьет эти свиные помои до рассвета. Скажите, а кто тут из обитателей в отеле занимается подводным плаванием?

Бармен заметно удивился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.